

не безъ соотношенія съ тѣми работами, которыя авторъ производилъ въ книжныхъ складахъ Птолемеевъ ²³⁸).

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ въ то время, когда Каллимахъ принялъ въ свои руки завѣдываніе александрійскою библіотекою, она была уже въ значительной степени упорядочена и имѣла видъ благоустроеннаго собранія,—иначе мысль о составленіи «Таблицъ» (πίνακες) въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были Каллимахомъ задуманы, не только не была бы имъ осуществлена, но врядъ ли даже могла и зародиться въ его головѣ. Такъ представлялъ себѣ это дѣло, очевидно, и Тзетзь, у котораго прямо значится, что Каллимахъ „ὁστέρως μετὰ τὴν ἀνόρθωσιν τοὺς πίνακας αὐτῶν [sc. τῶν βιβλίων] ἀπεγράψατο“ (ap. Ritschel. p. 206).

Сама по себѣ, впрочемъ, мысль эта не заключала въ себѣ ничего необычайнаго и вполне соотвѣтствовала живо ощущаемой потребности времени. Частныя историко-литературныя работы сходнаго типа, хотя и въ небольшомъ количествѣ, въ наличности уже имѣлись, и между прочимъ не кто иной, какъ самъ Птолемей II Филадельфъ, значился составителемъ систематическаго списка аристотелевскихъ сочиненій и одной изъ первыхъ біографій стагирскаго философа (ἀναγραφὴν Ἀριστοτέλους βιβλίων ποιησάμενος καὶ τὸν βίον αὐτοῦ καὶ τὴν διάθεσιν),—трудъ, вполне аналогичный предпріятію Каллимаха. Послѣдній, приступая къ толковой переписи книгъ правителя, могъ такимъ образомъ рассчитывать не только на сочувствіе и интересъ со стороны ученаго міра, но и ближайшимъ образомъ на нравственную и матеріальную поддержку со стороны верховнаго покровителя музея.

Каллимахъ воплощалъ въ себѣ типъ полиграфа своего времени и лучше всякаго другаго могъ справиться со своею трудною задачею. Онъ обладалъ изумительною начитанностью, большимъ литературнымъ опытомъ, и не было предмета, о которомъ онъ не писалъ бы стихами или прозою. Продолжительныя занятія въ библіотекѣ, съ составомъ которой онъ

²³⁸) Срв. Wachsmuth „Beitr. zu d. griech. Nationalgrammatikern“ въ Philolog. XVI, стр. 653; Strecker op. l. p. 3, 29.

близко ознакомился въ качествѣ члена музея еще до вступленія въ должность бібліотекаря, дали ему возможность располагать при выполненіи своего предпріятія длиннымъ рядомъ подготовительныхъ этюдовъ, а цѣлая школа учениковъ могла доставить ему даровитыхъ и усердныхъ помощниковъ.

Посмотримъ же, что осталось намъ отъ труда, возникшаго при сказанныхъ условіяхъ, — каковы были его размѣры, планъ, содержаніе, какъ велико было его историко-литературное значеніе, наконецъ, какова была его судьба.

Было время, когда думали, что все то, что мы приписываемъ нынѣ Каллимаху, какъ составителю «Таблицъ» полу-историческаго, полу-библіографическаго характера, въ дѣйствительности было уже дѣломъ его предшественниковъ, — Зенодота, Александра этольскаго и Ликофрона, — а вся заслуга нашего грамматика состояла лишь въ изготовленіи стихотворныхъ эпиграммъ къ сочиненіямъ древнихъ авторовъ и въ установленіи для нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій болѣе точныхъ и вѣрныхъ названій (Велькеръ). Но такое мнѣніе могло быть только плодомъ недоразумѣнія ²³⁹), и стоитъ разсмотрѣть внимательно сохранившіеся фрагменты «Таблицъ» Каллимаха, чтобы всякая тѣнь сомнѣнія на счетъ дѣйствительныхъ заслугъ ученаго александрійца исчезла безъ слѣда. Есть напротивъ полное основаніе думать, что работа его скорѣе представляла собою, какъ сказано, родъ толковаго каталога александрійской бібліотеки (*catalogue raisonné*). Предвзимая результатъ дальнѣйшихъ разъясненій нашихъ, мы можемъ сказать, что это была первая въ исторіи попытка систематическаго распредѣленія всѣхъ наличныхъ произведеній греческой литературы по родамъ ея, — другими словами, историко-литературный конспектъ, составленный по идографическому методу.

²³⁹) Поводомъ къ такому недоразумѣнію послужили слова латинскаго переводчика: „singulis voluminibus titulos inscripsit“, соотвѣтствующія въ греческомъ подлинникѣ словамъ: „ὅν τοῦς τίτλους ὕστερον Καλλίμαχος ἐπεγράψατο“ (ap. Ritschel. p. 124).

Правда, утверждение это также есть *sententia controversa*, требующая защиты и аргументовъ, но подыскать въ его пользу нѣсколько достаточно убѣдительныхъ доказательствъ, къ счастью, не представляетъ ничего невозможнаго.

Свида въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего словаря (s. v. *Καλλιμάχος*) приводитъ заглавіе каллимаховой работы въ слѣдующемъ видѣ: *πίνακες τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμψάντων καὶ ὧν συνέγραψαν ἐν βιβλίοις κ' καὶ ρ'*. Въ этомъ заглавіи подлиннымъ Бернгарди признавалъ только первое слово (*πίνακες*), считая все остальное за пояснительное добавленіе самого Свида, — мнѣніе, основательно опровергнутое Ваксмутомъ и Шнейдеромъ ²⁴⁰). Въ самомъ дѣлѣ титулы, совершенно подобныя вышеприведенному, встрѣчаются и у другихъ пинакографовъ, по всей вѣроятности, подражавшихъ при этомъ Каллимаху или его ученикамъ. Такъ, на примѣръ, цитуются сочиненія нѣкоего Гермиппа: *περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ λαμψάντων* (Etym. M. s. v. *Ἀπάμεια*); *περὶ τῶν διαπρεψάντων ἐν παιδείᾳ δούλων* (Suid. s. v. *Ἰστρός*); Гесихій милетскій также писалъ „*περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ ὀνομαστών*“ [или *λαμψάντων*] и проч. Съ другой стороны нѣтъ солидныхъ основаній заподозривать и вѣрность цифры *κ' καὶ ρ*, подобно Нескер'у, предложившему эмендацію: *κ' καὶ δ'*. Доводы Гекера въ пользу такого измѣненія далеко не убѣдительны: онъ выходитъ изъ того предположенія, что число частей, на которыя распадались каллимаховы „*Πίνακες*“, соотвѣтствовало числу буквъ греческаго алфавита и что, стало быть, весь матеріалъ, которымъ располагалъ Каллимахъ, былъ имъ редижированъ въ буквенномъ порядкѣ, подобно сотіоновымъ „*Διαδοχαί*“, теопфрастовымъ „*Νόμων κατὰ στοιχεῖον βιβλία κδ*“, діотимовымъ „*ἀναγνώσματα παντοδαπά*“, фавориновой „*παντοδαπὴ ὅλη ἱστορικὴ*“ (послѣднее ошибочно, какъ показалъ Ваксмуть ук. м. стр. 655, прим. 19) и мн. др. ²⁴¹). Но начать съ того, что для большей части приводимыхъ Ге-

²⁴⁰) Bernhardt Grundr. d. gr. L. I² стр. 157; Wachsmuth op. l. p. 655; Schneider Callim. II p. 308.

²⁴¹) A. Heckeri Epist. criticae ad F. G. Schneidewinum pars II (Philol. V p. 433).

керомъ сочиненій остается еще доказать, что они дѣйстви-тельно представляли собою труды лексикографическаго характера. Если жъ бы это и на самомъ дѣлѣ было такъ, то нельзя умотрѣть никакой необходимости вовлекать каллимаховы «Таблицы» въ одинъ разрядъ съ этими сочиненіями, ибо всѣ они возникли совершенно независимо одно отъ другаго, составлены разными лицами, въ разное время, по разнымъ поводамъ и съ разными цѣлями.

Что касается содержанія «Таблицъ», то оно достаточно ясно обозначено самымъ заглавіемъ ихъ, хотя нѣкоторое недоумѣніе могутъ возбуждать слова: „ἐν πάσῃ παιδείᾳ“, такъ какъ въ понятіе „пαιδεία“ входили, какъ извѣстно, понятія и о широкой литературной образованности, и вмѣстѣ съ тѣмъ о высокой степени художественнаго развитія (срв. Aristot. pol. 8, 3, 5 τὴν μουσικὴν εἰς παιδείαν ἑτάξαν). Дѣятельность лицъ, проявившихъ свои таланты въ области художествъ, безъ сомнѣнія осталась незатронутою со стороны Каллимаха, который въ данномъ случаѣ имѣлъ ближайшимъ образомъ въ виду только поприще науки и литературы. На это помимо словъ „καὶ ὧν συνέγραψαν“ находимъ прямое указаніе прежде всего въ тѣхъ текстахъ, которые неразрывно связываютъ трудъ нашего ученаго, равно какъ и однородные труды его продолжателей и подражателей, съ александрійскою библіотекою и видятъ въ нихъ завершеніе работъ Зенодота и его пособниковъ, направленныхъ къ внутреннему устроению и упорядоченію этой библіотеки. Кромѣ того всѣ фрагменты каллимаховыхъ «Таблицъ», какими мы только въ настоящее время располагаемъ, относятся исключительно къ вопросамъ науки и литературы и не касаются искусства даже мимоходомъ.

Но, если Каллимахъ оставался въ предѣлахъ явленій литературныхъ, то какъ же трактовалъ онъ эти явленія? Относился ли онъ къ нимъ, какъ критикъ, какъ историкъ, какъ библіографъ, или же просто какъ хранитель общественной библіотеки, долженствующій по обязанностямъ службы хорошо знать составъ ввѣреннаго его попеченіямъ собранія

и умѣть ориентироваться въ немъ? Были ли рассчитаны его «Таблицы» на вкусы и требованія ученой публики, которая отъ знаменитаго полиграфа и чуть ли не самаго виднаго члена музея вправѣ была ожидать самостоятельныхъ изслѣдованій, или же онѣ имѣли своимъ назначеніемъ удовлетво- рить лишь ближайшимъ потребностямъ бібліотекаря, нуждающагося прежде всего въ практически удобной справочной книгѣ, въ голомъ перечнѣ пріобрѣтенныхъ учрежденіемъ рукописей, въ каталогѣ ихъ?

О. Шнейдеръ полагаетъ, что Тзетъ существенно различалъ составленные Каллимахомъ „*πίνακες*“ отъ каталога александрійской бібліотеки и что послѣдній послужилъ пособіемъ и основаніемъ для первыхъ ²⁴²⁾. По его толкованію, уже Зенодотъ съ Ликофрономъ и другими сотрудниками долженъ былъ изготovitъ такой каталогъ при первомъ переборѣ рукописей бібліотеки ²⁴³⁾. Съ другой стороны Даубъ совершенно отождествляетъ «Таблицы» Каллимаха съ каталогомъ бібліотеки и въ подтвержденіе своего мнѣнія подчеркиваетъ въ текстѣ Тзетза слова „*ὁστέρως*“ и „*μετὰ τὴν ἀνόρθωσιν*“, видя въ нихъ указаніе на то, что, какъ это и выражено въ плавтинскомъ схоліѣ, отдѣльныя книги могли быть точно регистрированы только послѣ общаго распредѣленія рукописей по разрядамъ и классамъ, т. е. послѣ того какъ въ нестройной массѣ новопріобрѣтенныхъ манускриптовъ были установлены для произведеній однородныхъ общія рубрики и эти произведенія выдѣлены въ особія крупныя группы ²⁴⁴⁾.

Чтобы стать въ положеніе судьи между тѣмъ и другимъ ученымъ, необходимо, мнѣ кажется, обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, повидимому, упущенное изъ виду обоими. Какъ извѣстно, по примѣру александрійской

²⁴²⁾ Schneider Callim. II p. 302: iam satis nobis videtur Tzetzae eam sententiam vindicasse, ut bibliothecae Alexandrinae catalogos diversos fuisse putaverit a Callimachi *πίνακες*, in quibus conscribendis illos catalogos in usum suum converterit mutuando.

²⁴³⁾ Ibid. p. 301.

²⁴⁴⁾ A. Daub De Suidae biographicorum origine et fide (Jahrbb. f. class. Philol. XI Suppl. [1880], p. 420, adn. 15).

библіотеки создана была бібліотека въ Пергамѣ, и, подобно тому какъ въ Александріи на первыхъ же порахъ ощутилась надобность въ каталогѣ, таковая надобность была признана и пергамскими бібліотекарями, предпринявшими въ свою очередь каталогизацію книжнаго собранія Атталидовъ. Намъ въ настоящемъ случаѣ совершенно безразлично, кто именно былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ лицомъ, — обыкновенно полагаютъ, что Братетъ изъ Малла ²⁴⁵), — но не подлежитъ сомнѣнію, что подъ названіемъ „πίνακες Περγαμενοί“ разумѣлось не что иное, какъ только каталогъ пергамской бібліотеки ²⁴⁶). Въ нашихъ источникахъ эти „πίνακες“ цитуются всегда безыменно, какъ произведеніе, въ отношеніи котораго вопросъ о томъ, кто былъ его авторомъ, не представляетъ существеннаго интереса. При этомъ атрибутировать „Περγαμενοί“ (также: „αἱ ἐν Περγᾷ ἀναγραφαί“) съ одной стороны указываетъ на прямую связь таблицъ съ пергамскимъ книгохранилищемъ, съ другой же имѣетъ цѣлью противопоставить пергамскій каталогъ, какъ таковой, каталогу александрійскому. И вотъ, когда заходитъ рѣчь о томъ и о другомъ вмѣстѣ, какъ о произведеніяхъ однородныхъ, то составленіе александрійскаго каталога приписывается обыкновенно не кому другому, какъ Каллимаху. Такъ: 1) οὔτε Καλλιμάχον οὔτε τοὺς ἐκ Περγᾶμου γραμματικοὺς περὶ αὐτοῦ [Δεινάρχου] γράψαντας κτλ. говорится у Діонисія галикарн. *De Dinarch. iudic.* с. 1; 2) οὔτε γὰρ Καλλιμάχος οὔτε Ἀριστοφάνης αὐτὸ [sc. Ἀλέξιδος ἀσωτοδιδάσκαλον] ἀνέγραψαν, ἀλλ' οὐδ' οἱ τὰς ἐν Περγᾷ ἀναγραφὰς ποιήσαντες. *Athen.* VIII p. 336 e.

Соображеніе это, на нашъ взглядъ, говоритъ въ пользу мнѣнія Дауба, и мы полагаемъ, что нѣтъ основанія считать

²⁴⁵) Таково мнѣніе Мейнеке, О. Шнейдера, Наука, К. Ваксмута (см. особенно соч. послѣдняго „*De Cratete Mallota*“. Lips. 1860 p. 33).

²⁴⁶) Заключался ли въ пергамскихъ таблицахъ кромѣ бібліографическаго также и историко-критическій элементъ, какъ въ таблицахъ Каллимаха, — этого изъ четырехъ отрывковъ (ар. Wachsmuth. op. I. p. 63), которыми мы располагаемъ и къ которымъ я бы считалъ возможнымъ присоединить пятый (ар. Wachsmuth. p. 71, n° 10), усмотрѣть нельзя. Само по себѣ это не невѣроятно.

«Таблицы» Каллимаха, для которых продолженіемъ служили пинакографическіе труды Аристофана и другихъ каллимаховцевъ, чѣмъ то отличнымъ отъ каталога александрійской библіотеки. Однако съ другой стороны мы думаемъ, что и Зенодотъ и его сотрудники при своихъ сложныхъ занятіяхъ въ этой библіотекѣ также не могли обойтись безъ какихъ бы то ни было записей, которыя, правда, не представляли собою систематическаго каталога, но могли послужить пособіемъ при составленіи такового. Записи эти должны были касаться частныхъ отдѣловъ, порученныхъ разсмотрѣнію названныхъ ученыхъ, и, по всей вѣроятности, отличались случайнымъ подборомъ матеріала и недостаткомъ строгаго плана въ распредѣленіи частей, такъ какъ являлись не результатомъ ихъ устроительной дѣятельности, но скорѣе однимъ изъ органовъ ея,—не вытекали изъ нея, но сопутствовали ей. Въ виду такого характера этихъ записей, послужившихъ впоследствии опорой для такихъ произведеній, какъ ликофроново „περὶ χωρῶδίας“ и т. п., понятно, что въ источникахъ нашихъ о нихъ нигдѣ не упоминается: практическое значеніе ихъ было невелико,—тѣмъ болѣе, что скоро онѣ были замѣнены и вытѣснены несравненно болѣе полными и удобными «Таблицами» Каллимаха.

Но, имѣя своею цѣлью удовлетворить назначенію справочной книги, какая необходима для лицъ, занимающихся въ библіотекѣ, но мало знакомыхъ съ ея составомъ, каллимаховы «Таблицы» были тѣмъ не менѣе чѣмъ то бѣльшимъ, нежели обыкновенный каталогъ. На это указываютъ главнымъ образомъ слѣдующія свидѣтельства:

а) Athen. VI p. 252 c. (Schn. Callim. II, 100^d, 12): Ἀττάλου δὲ τοῦ βασιλέως ἐγένετο κόλαξ καὶ διδάσκαλος Λυσίμαχος, ὃν Καλλίμαχος μὲν Θεοδώρειον ἀναγράφει, Ἑρμιππος δὲ ἐν τοῖς Θεοφράστου μαθηταῖς καταλέγει. Прямой выводъ, какой мы, повидимому, вправе сдѣлать изъ этихъ словъ, таковъ, что въ «Таблицахъ» Каллимаха кромѣ обычнаго обозначенія родины и отчества при именахъ авторовъ находились и иныя указанія біографическаго свойства,

какъ то — указанія на принадлежность ихъ къ извѣстнымъ школамъ, сектамъ, партіямъ и т. п. Правда, Ваксмуть ²⁴⁷⁾ пытался поколебать силу этого вывода, утверждая, что наименованіе „Θεοδώρειος“ прибавлено къ имени Лисимаха лишь для отличія послѣдняго отъ другихъ его соименниковъ; но, во-первыхъ, таковыхъ у него на поприщѣ учено-литературной дѣятельности было немного и опасности смѣшенія ихъ съ нимъ можно было и не предвидѣть ²⁴⁸⁾; во-вторыхъ же, ссылка на Гермиппа, который вопреки Каллимаху причислялъ, какъ оказывается, Лисимаха къ ученикамъ Теофраста, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія на тотъ счетъ, что въ настоящемъ случаѣ въ нашихъ «Таблицахъ» дѣйствительно рѣшался вопросъ о принадлежности Лисимаха къ той или другой школѣ, — вопросъ о томъ, чьимъ былъ онъ ученикомъ ²⁴⁹⁾.

б) Diog. Laert. VIII, 8, 1 (Schn. ibid. 13): Εὐδοξος—τὰ μὲν γεωμετρικὰ Ἀρχύτα διήκουσε, τὰ δὲ ἰατρικὰ Φιλιστίωνος τοῦ Σικελιώτου, καθὰ Καλλίμαχος ἐν τοῖς Πίναξί φησιν. [Также у Евдокія въ эксцерптѣ Viol. p. 193: Εὐδοξος—ἀκουστῆς—ὡς Καλλίμαχος ἐν τοῖς Πίναξιν, Ἀρχύτα καὶ Φιλιστίωνος]. Чтобы ослабить доказательную силу этого мѣста, Ваксмуть ссылается на такія заглавія, какъ „Φιλοδήμου περὶ τῆς τῶν θεῶν εὐστοχοῦμένης διαγωγῆς κατὰ Ζήνωνα“, „Φιλοδήμου τῶν κατ' ἐπιτομὴν ἐξείργασμένων περὶ ἡθῶν καὶ βίων ἐκ τῶν Ζήνωνος σχολῶν“ и т. п., т. е. указываетъ на возможность предположить, что свидѣтельство Діогена объ учителяхъ Эвдокса было въ сущности выводомъ изъ титуловъ, подъ которыми въ «Таблицахъ» были приведены сочиненія послѣдняго, а не изъ

²⁴⁷⁾ Rhein. Mus. 16, стр. 661.

²⁴⁸⁾ Кромѣ Лисимаха, о которомъ говорится въ прив. м., какъ объ авторѣ сочиненія „περὶ Ἀττάλου παιδείας“, намъ извѣстенъ еще биографъ Лисимаха александрійскій, вѣроятный современникъ Діонисія галикарнаскаго и Цецилія изъ Калакты (см. K. Müller F. H. G. III p. 334). Затѣмъ упоминаются въ нашихъ источникахъ: 1) Лисимахъ косскій, послѣдователь Гиппократа (ibid.); 2) нѣкій Лисимахъ, авторъ называемаго Варрономъ трактата „Ο γεωμετρικὴ“; 3) Лисимахъ, философъ стоической школы, проживавшій, по видимому, въ Римѣ въ императорскія времена (Porph. Vit. Plot. 3).

²⁴⁹⁾ Срв. Daub прив. м.

какихъ-либо разъясненій Каллимаха. Но что такая мысль представляет слишкомъ большую натяжку, этого не могъ не замѣтить и самъ Вакмутъ, согласившійся, что въ подобномъ предположеніи, конечно, есть много произвольнаго. Что касается насъ, то намъ оно кажется безусловно неправдоподобнымъ и противорѣчащимъ прямому смыслу словъ: „καθὰ Κ. ἐν τ. Πίναξί φησιν“.

в) Procl. in Parmenidem Platonis Cousin. p. 5 (Schn. 100^a, 17): διδάσκαλος μὲν ὁ Παρμενίδης, μαθητὴς δὲ Ζήνων, Ἐλεᾶται δ' ἄμφω καὶ οὐ τοῦτο μόνον, ἀλλὰ καὶ τοῦ Πυθαγορικοῦ διδασκαλείου μεταλαβόντε, καθάπερ ποὺ καὶ ὁ Καλλίμαχος ἱστορήσεν. Свидѣтельство это, правда, менѣе опредѣленно, ибо изъ него не видно, откуда именно заимствована цитата, однако въ виду его однородности съ двумя предыдущими естественнѣе всего предположить, что въ приведенныхъ словахъ разумѣются каллимаховы «Таблицы», и уже Бентли на этотъ счетъ не сомнѣвался. Новѣйшій издатель Каллимаха также послѣдовалъ примѣру Бентли, включивъ наше мѣсто въ число фрагментовъ названнаго произведенія. А если онъ въ этомъ не ошибся, то для насъ весьма важно отмѣтить въ греческомъ текстѣ выраженіе „ἱστορήσεν“, коимъ до извѣстной степени опредѣляется характеръ «Таблицъ». Въ самомъ дѣлѣ, если бы это былъ голый перечень авторскихъ именъ и книжныхъ титуловъ, то въ ссылкѣ на составителя такого перечня врядъ ли бы умѣстенъ былъ глаголъ „ἱστορεῖν“.

г) Athen. XV p. 669 d (Schn. 100^a, 24): Διονύσιος—Χαλκοῦς προσηγερεῦθη διὰ τὸ συμβουλευσαι Ἀθηναίους χαλκῷ νομίσματι χρῆσασθαι καὶ τὸν λόγον τοῦτον ἀνέγραψε Καλλίμαχος ἐν τῇ τῶν ῥητορικῶν ἀναγραφῇ. На основаніи этого фрагмента О. Шнейдеръ (p. 305) заключаетъ: „ἐν τῇ ῥητορικῶν ἀναγραφῇ rationem reddiderat [Callimachus], cur χαλκοῦς vocatus fuisset Dionysius poeta atque rhetor“. Собственно изъ словъ Аѳеней явствуетъ только, что у Каллимаха въ спискѣ ораторскихъ произведеній значилась рѣчь Діонисія; говорилось ли тамъ же объ отношеніи этой рѣчи къ прозванію оратора „χαλκοῦς“, — этого мы не знаемъ. Но мы вправѣ это до-

пустить въ виду несомнѣнно сознававшейся пинакографомъ необходимости отличить извѣстнаго элегика Діонисія отъ многого множества его тезокъ. Притомъ самая ссылка Аеенея на каллимаховы списки была бы непонятна и безцѣльна, если бы въ ней не видѣть указанія на источникъ, откуда этотъ писатель заимствовалъ свое извѣстіе о предложеніи Діонисія и о происхожденіи его прозвища.

Наконецъ,

д) Tatian. adv. Graec. c. 31 (Schn. 390): περὶ τῆς Ὀμήρου ποιήσεως γένους τε αὐτοῦ καὶ χρόνου, καθ' ὃν ἤχμασε, προηρῶνυσαν πρεσβύτατοι μὲν — ἔπειτα γραμματικοὶ — Καλλίμαχος κτλ. Мы согласны съ Шнейдеромъ, что фрагментъ этотъ лучше всего приурочить къ нашимъ «Таблицамъ» (срв. Schn. II, p. 305, 576). Если составитель послѣднихъ вообще не ограничивался одними лишь библиографическими замѣчаніями, то, разумѣется, онъ не могъ въ своемъ трудѣ не затронуть такой историко-литературной темы, какъ „Ὀμήρου ποιήσις, γένος τε αὐτοῦ καὶ χρόνος“. Припомнимъ, какое мѣсто занимали гомеровскія студіи въ ученыхъ занятіяхъ александрійцевъ, и спросимъ, возможно ли было для преемника Зенодота и учителя Аристофана въ свою очередь не увлекаться ими? Между тѣмъ ни одно изъ многочисленныхъ произведеній Каллимаха, какія намъ только извѣстны, кромѣ «Таблицъ», не представляло подходящихъ рамокъ для ученой обработки какого нибудь гомеровскаго сюжета. Только тамъ, гдѣ нашли себѣ мѣсто все „ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλάμφαντες“, могъ и долженъ былъ Каллимахъ говорить о старѣйшемъ и популярнѣйшемъ изъ греческихъ эпиковъ.

Впрочемъ, независимо отъ приведенныхъ скудныхъ свѣдѣтельствъ мы имѣемъ право а priori утверждать, что александрійскіе „Πινάκες“ были во всякомъ случаѣ чѣмъ то большіимъ, нежели простой каталогъ. «Quid? quod πινάκων indoles, говоритъ Даубъ (прив. м.), ipsa prohibere videtur, ne auctorum nomina et scripta nude posita fuisse opinemur». Правда, слово „πίναξ“ можетъ имѣть и болѣе частное значеніе «оглавленія» или перечня частей и главъ отдѣльныхъ

произведений. Одинъ изъ списковъ павсаніева «описанія Эллады» (Paris. 1400) имѣетъ напр. слѣдующій заголовокъ: πίναξ Παυσανίου· Παυσανίου Ἑλλάδος περιήγησις· ἀττικὰ, κορινθιακά, λακωνικά, μεσσηνιακά, καὶ τὰ λοιπὰ εὐρισκόμενα Παυσανίου ²⁵⁰⁾. Въ этомъ именно смыслѣ понялъ слово „πίναξ“ въ своемъ греческомъ оригиналѣ авторъ плавтинскаго схолія, передавшій его по-латыни словомъ «titulus» («titulos inscripsit»). Еще обычнѣе другое употребленіе: чаще всего „πίναξ“ означаетъ каталогъ, списокъ книгъ, и въ этомъ значеніи, какъ terminus technicus, употребляется даже безъ дополненія (напр. Suet. de ill. gramm. VI: «Huius [Aurelii Opilii] nomen in plerisque indicibus et titulis per unam litteram scriptum animadverto; verum ipse id per duas effert in parastichide libelli, qui inscribitur Pinax», — гдѣ, повидимому, разумѣется составленный Опиліемъ списокъ плавтовыхъ комедій. См. Teuffel Gesch. d. r. L. ⁴, 159, 4). Поэтому Узенеръ полагалъ, что всѣ древніе πίνακες, остатки которыхъ дошли до насъ, представляли собою не что иное, какъ каталоги, имѣющіе непосредственное отношеніе къ какой нибудь библіотекѣ ²⁵¹⁾. Но въ нашемъ случаѣ, очевидно, дѣло шло не столько о книгахъ, сколько объ авторахъ, о дѣятеляхъ науки и литературы, на что ясно указываютъ слова: „τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμπάντων“. Подобнымъ образомъ Аполлоній тирскій озаглавилъ свой трудъ, посвященный философіи послѣ-аристотелевскаго періода, — πίναξ τῶν ἀπὸ Ζήνωνος φιλοσόφων καὶ τῶν βιβλίων ²⁵²⁾.

Что касается вопроса, въ какомъ именно порядкѣ былъ расположенъ Каллимахомъ историко-литературный матеріалъ, собранный имъ подъ общимъ заглавіемъ „πίνακες“, то и это также подлежитъ спору. Единственное свидѣтельство, спо-

²⁵⁰⁾ Uppenkamp op. c. p. 44.

²⁵¹⁾ Usener Anal. Theophrastea p. 24: omnibus antiquorum πινάκων reliquiis, — si librorum tabulas ab ipsis scriptoribus aut discipulis familiarissimis confectas, ut par est, excipias, — id proprium est, quod ea tantum, quae in certis bibliothecis, sive Alexandrina, sive Pergamena, sive aliis, confecta erant, respici solent volumina.

²⁵²⁾ Uppenk. p. 57.

собное пролить хотя бы самый слабый свѣтъ на это дѣло, заключается у Аѳеня XIV р. 643 е. Здѣсь по Каллимаху, со ссылкой на его «Таблицы», перечисляются имена авторов, писавшихъ о печеніи пирожковъ (πλακουντοποιῶν συγγραμματα), и перечисляются въ алфавитномъ порядкѣ: Αἰγύμιος, Ἡγήσιππος, Μητρόβιος, Φαῖτος. Было поэтому высказано мнѣніе, что и вообще «Таблицы» Каллимаха были редижированы въ порядкѣ греческаго алфавита, каковой порядокъ, по замѣчанію Ваксмута ²⁵³⁾, греками въ подобныхъ случаяхъ примѣнялся часто и самъ по себѣ для библиотечарскихъ цѣлей представлялся наиболѣе пригоднымъ. Правда, продолжаетъ Ваксмутъ, Свидя упоминаетъ въ числѣ ученыхъ произведеній Каллимаха „πῖναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων“, и, если допустить, что этотъ „πῖναξ“ составлялъ часть занимающаго насъ здѣсь труда, то, повидимому, слѣдовало бы признать, что напротивъ въ «Таблицахъ» матеріалъ былъ распредѣленъ по принципу хронологической послѣдовательности; но, во первыхъ, не доказано, что вышеозначенный списокъ драматическихъ писателей дѣйствительно входилъ въ наши «Таблицы», какъ ихъ часть; во вторыхъ, еслибы даже это было и такъ, то самое прибавленіе словъ: „κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς“ какъ бы указываетъ на то, что хронологическій порядокъ въ настоящемъ случаѣ представлялъ нѣчто исключительное; въ третьихъ, наконецъ, приступая къ составленію перечня сценическихъ писателей, Каллимахъ уже и по самому свойству основнаго своего источника, — аристотелевскихъ дидаскалій, — могъ быть вынужденнымъ отступить отъ принятой въ самомъ началѣ системы, чтобы затѣмъ снова обратиться къ ней при обработкѣ прочихъ отдѣловъ ²⁵⁴⁾.

Эти доводы соблазнили, повидимому, между прочимъ и Дауба, который поэтому рѣшительно отвергъ мнѣніе Шнейдера, видѣвшаго, подобно намъ, въ «Таблицахъ» Каллимаха

²⁵³⁾ Philolog. XVI p. 661.

²⁵⁴⁾ Ibid.

напротивъ работу по преимуществу историко-литературнаго характера ²⁵³).

Нами же въ сужденіи объ этомъ вопросѣ руководить главнымъ образомъ слѣдующія соображенія. Во первыхъ, приводимый у Аѳенея со словъ Каллимаха перечень писателей, составлявшихъ „πλακουντοποιῶν συγγραμμάτων“, такъ невеликъ по своимъ размѣрамъ, что еще подлежитъ сомнѣнію, сознательно ли былъ примѣненъ въ этомъ случаѣ принципъ распредѣленія именъ по алфавитному порядку, или же это вышло совершенно случайно, само собою, помимо воли составителя «Таблицъ». Во вторыхъ, цитата Аѳенея какъ разъ относится къ такимъ книгамъ, которыя трудно подвести подъ какую нибудь опредѣленную рубрику литературныхъ произведеній и которыя поэтому были помѣщены Каллимахомъ въ разрядъ «смѣси» („μίναξ τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων“), гдѣ, разумѣется, алфавитный порядокъ былъ не только наиболее цѣлесообразнымъ, но и, пожалуй, единственно возможнымъ, — особенно при недостаткѣ хронологическихъ свѣдѣній, весьма естественномъ, когда рѣчь шла о такихъ писателяхъ, какъ Эгимій, Гегесиппъ, Метробій и Фѣтъ. Но разрядъ «смѣси» представлялъ уже собою какъ бы прибавленіе къ «Таблицамъ», appendix, — нѣчто, стоявшее внѣ общей классификаціи (хотя въ немъ самомъ, очевидно, и были сдѣланы нѣкоторыя частныя, дробныя подраздѣленія, изъ коихъ одно заключало въ себѣ συγγραμματα πλακουντοποιῶν), и имъ отнюдь нельзя руководиться, какъ мѣриломъ, при сужденіи о «Таблицахъ» во всей ихъ совокупности. Въ третьихъ, въ противовѣсъ свидѣтельству, находящемуся у Аѳенея XIV р. 643 е, можно сослаться и на другое свидѣтельство, заключающееся у того же писателя VI р. 244 а и, на мой взглядъ, противорѣчащее тому выводу, который, какъ сказано, дѣлается изъ перваго. Приведемъ дословно это мѣсто: „τοῦ Χαίρεφώντος καὶ σύγγραμμα ἀναγράφει Καλλίμαχος ἐν τῷ τῶν παντοδαπῶν μίναξι γράφων οὕτως· δεῖπνα ὅσοι ἔγραψαν“.

²⁵³) Daub op. l. p. 421; Schneider Callim. VI p. 303 sq.

Χαίρεφον Κυρηβίωνι. εἴθ' ἐξῆς τὴν ἀρχὴν ὑπέδτηεν· ἐπειδὴ μοι πολλάκις ἐπέστειλας... στίχων τρεῖς". Здѣсь слова: „δεῖπνα—Κυρηβίωνι“, несомнѣнно, взяты цѣликомъ изъ каллимаховыхъ «Таблицъ». Именемъ Хэрефонта начинался, какъ видно, у Каллимаха списокъ авторовъ, писавшихъ объ обѣдахъ (δεῖπνα); а что такихъ авторовъ было нѣсколько, на то указываетъ множественное число ἔσοι. Такимъ образомъ мы должны допустить одно изъ двухъ: либо этотъ списокъ былъ расположенъ въ какомъ нибудь иномъ, не-алфавитномъ порядкѣ,—ибо во главѣ его стояло имя, начинавшееся прямо съ одной изъ послѣднихъ буквъ греческой азбуки, — либо же, —что, конечно, совсѣмъ невѣрно,—объ обѣдахъ писали именно авторы, коихъ имена случайно начинались съ χ, ψ или ω ²³⁶). Въ четвертыхъ, еслибы Каллимахъ вообще считалъ наиболѣе пригоднымъ для своей цѣли редижировать свои «Таблицы» въ порядкѣ алфавита, то въ такомъ случаѣ ему не для чего было бы классифицировать всѣ книги, подлежащія занесенію въ списки, по разрядамъ: проще и цѣлесообразнѣе было бы составить словарь писателей, изъ коихъ при имени каждаго, — конечно, опять таки въ азбучномъ порядкѣ, — были бы показаны его произведенія. Какъ удобная справочная книга, такой словарь скорѣе удовлетворилъ бы надобностямъ библіотекаря, нежели реальный каталогъ съ дробнымъ дѣленіемъ на классы и на подклассы, гдѣ разнородныя сочиненія однихъ и тѣхъ же авторовъ по требованію системы должны быть отнесены въ различные отдѣлы, — обстоятельство, способное лишь въ значительной степени затруднить ихъ отысканіе. Въ крайнемъ же случаѣ, Каллимахъ могъ бы ограничиться только самымъ широкимъ дѣленіемъ, и одинъ изъ сторонниковъ того мнѣнія, что его „πίνakes“ были составлены по принципу алфавитнаго распредѣленія, — Фр. Нитцше, — былъ поэтому вполне послѣдователенъ, вы-

²³⁶) Одно стихотвореніе подъ заглавіемъ „Δεῖπνον“ приписывалось дионрамбику Филоксену (435—380). Если и оно у Каллимаха помѣщено было въ одной рубрикѣ съ произведеніемъ Хэрефонта, то имени послѣдняго должно было предшествовать имя Филоксена. Но кромѣ Филоксена „δεῖπνον ἀναγγραφεῖς“ писали Геремонъ, Матронъ, Нуменій и Тимахидъ (Athen. I, 5 b).

сказавши предположеніе, что въ «Таблицахъ» было всего лишь пять крупныхъ рубрикъ (ἀναγραφὴ τῶν ποιημάτων, ἀ. т. ῥητορικῶν, ἀ. т. ἱστορικῶν, ἀ. т. φιλοσόφων, ἀ. т. παντοδαπῶν) и что на долю каждой приходилось не менѣе 24 книгъ (по числу буквъ алфавита). Однако и такое предположеніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ оно противорѣчитъ прямымъ показаніямъ источниковъ, въ которыхъ упоминаются кромѣ приводимыхъ у Нитцше и инныя рубрики ²⁵⁷). Насколько мы можемъ судить, система, которой слѣдовалъ Каллимахъ въ своемъ трудѣ, отличалась большою сложностью, и Уппенкамъ правъ, полагая, что множественное „πίνακες“ уже само по себѣ достаточно свидѣтельствуеетъ о такой сложности ²⁵⁸). Наконецъ, въ пятыхъ, нельзя утверждать, что при составленіи библиотечныхъ каталоговъ алфавитный порядокъ, вообще въ древности считался самымъ удобнымъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, я сошлюсь на фрагментъ греческаго книжнаго каталога, найденный въ сѣверномъ Египтѣ и хранимый нынѣ въ Императорской публичной библиотекѣ въ Петербургѣ ²⁵⁹). Этотъ фрагментъ относится къ IV стол. нашей эры и въ двухъ столбцахъ, изъ коихъ второй почти совершенно разрушенъ, содержитъ рядъ авторскихъ именъ и книжныхъ титуловъ. Въ своей совокупности эти имена и титулы, повидимому, принадлежатъ къ отдѣлу философіи или даже, можетъ быть, еще частнѣе,—къ отдѣлу этики и политики ²⁶⁰), но слѣдуютъ другъ за другомъ въ

²⁵⁷) Срв. напр. Athen. XIII p. 585 b=frgm. 100^a, 25: ἐν τῷ τρίτῳ πίνακι τῶν νόμων. На какомъ основаніи Нитцше причисляетъ νόμων πίνακες къ отдѣлу „смѣси“, мнѣ неизвѣстно. Источники на то не даютъ никакого права. Напротивъ, все говоритъ въ пользу того, что это былъ вполне самостоятельный отдѣлъ.

²⁵⁸) Uppenk. p. 57: „opus vero Callimacheum, ut inscribitur πληθοντικῶς, ita varias disputationes minus arcte inter se cohaerentes continuisse videtur.

²⁵⁹) Фрагментъ изданъ въ „Catalogue des Manuscrits grecs de la bibl. impériale publique de Pétersbourg“ (1864) и разобранъ Цюнделемъ въ Rhein. Mus. 24, стр. 431 слл.

²⁶⁰) На эту мысль наводятъ такіе титулы, какъ „περὶ ἀρετῆς“, „περὶ ὁριγῆς“, „περὶ σωφροσύνης“, „περὶ ἀλυσίας“, „Ἀ.Ε. πολιτεία“ и проч. Въ строкахъ 16 (Zündel) предлагаю читать имя автора Ἐρατοσθένης, коего трактатъ „περὶ ἀλυσίας“ называетъ Свида s. v.

самомъ прихотливомъ безпорядкѣ: въ 7-й строкѣ напр. названо сочиненіе Аристотеля „περὶ ἀρετῆς“, въ 8-й—Посидонія „συνταγμα[τα] περὶ ὀργῆς“, въ 10-й—**Θεοφράστα** „περὶ σωφροσύνης“, въ 12-й снова Аристотеля „**Ἀθηναίων πολιτεία**“, въ 22-й—того же Аристотеля „**πολιτεία νεοπο...**“ и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ составитель каталога группировалъ книги исключительно по ихъ содержанию, а не по начальнымъ литерамъ авторскихъ именъ ²⁶¹⁾).

Что касается упомянутого выше «**πίναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων**», то, если разсматривать его, какъ часть нашихъ «Таблицъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ признавать въ послѣднихъ господство алфавитнаго порядка, врядъ ли возможно будетъ объяснить, почему при обработкѣ чуть ли не самаго крупнаго отдѣла составитель долженъ былъ отступитъ отъ разъ принятой системы и въ этой части своей работы въ видѣ исключенія примѣнить принципъ хронологической послѣдовательности. Каковы бы ни были свойства его ближайшаго источника (аристотелевскихъ дидаскалій), Каллимахъ вовсе не неизбѣжно долженъ былъ слѣдовать тѣмъ началамъ, которыя въ этомъ источникѣ являлись господствующими,—тѣмъ болѣе, что трудъ его не отличался чисто механическими приѣмами и, какъ видно изъ фрагмента 100^a, 2 [Schol. Aristoph. Nub. 552], по отношенію къ «дидаскаліямъ» нашъ авторъ вполне сохранилъ свободу критическаго сужденія.

Впрочемъ, я склоняюсь скорѣе въ сторону того мнѣнія, что «**πίναξ τῶν διδασκάλων**», упоминаемый Свидою, слѣдуетъ отличать отъ соотвѣтствующей ему части общихъ «Таблицъ». Какъ я уже выше сказалъ, при составленіи послѣднихъ Каллимахъ необходимо долженъ былъ опираться на цѣлый рядъ подготовительныхъ этюдовъ и частныхъ изысканій, изъ коихъ нѣкоторыя могли быть предприняты еще прежде, нежели въ головѣ его опредѣленно сложилась мысль о систе-

²⁶¹⁾ Къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою сборника Куманудиса и Касторхиса „**Ἀθηναίων**“, 1, а потому и не могу привлечь къ сравненію опубликованный въ немъ каталогъ. [См. Egger Callimaque bibliographie, p. 80].

матическомъ каталогѣ александрійской библіотеки. Я именно думаю, что «*πίναξ τῶν διδασκάλων*», равно какъ и «*πίναξ τῶν Δημοκρίτου γλωσσῶν καὶ συνταγμάτων*», помѣщенный также въ списокѣ Свида, — оба представляли собою такіе этюды: не даромъ же Свида или, точнѣе, тотъ грамматикъ, у котораго заимствовалъ Свида свой перечень твореній Каллимаха, отвелъ для этихъ двухъ трудовъ отдѣльное мѣсто. Небрежностью нашего лексикографа невозможно было бы объяснить такое странное отрѣшеніе частей отъ цѣлаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ его текстѣ значится: *ἔστιν αὐτῷ [sc. Καλλιμάχῳ] τὰ γεγραμμένα βιβλία ὑπὲρ τὰ ὠ... τῶν δ' αὐτοῦ βιβλίων ἔστι καὶ ταῦτα*. Засимъ перечисляются не всѣ восемьсотъ слишкомъ, а лишь нѣкоторыя изъ книгъ Каллимаха. Очевидно, что, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь Свида дѣлаетъ выборъ, и должно ли думать, что этотъ выборъ сдѣланъ имъ совершенно поверхностно и произвольно? Должно ли думать, что онъ дѣйствительно не различилъ въ своемъ оригиналѣ²⁶²⁾ общихъ заглавій, относившихся къ цѣльнымъ сочиненіямъ, отъ подробныхъ оглавленій, въ коихъ означены были части этихъ сочиненій²⁶³⁾? Не отличается ли такое предположеніе слишкомъ элементарною простотою? Не слѣдуетъ ли скорѣе допустить параллельное существованіе сходныхъ по содержанию, но возникшихъ въ разное время работъ, изъ коихъ въ одной авторъ могъ разсматривать вопросъ въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, съ болѣе частной точки зрѣнія, въ другой же — область его изслѣдованія значительно расширялась и тотъ же вопросъ подвергался уже болѣе полной и всесторонней разработкѣ? Какъ это часто бываетъ, Каллимахъ могъ сперва остановить свое вниманіе на какой-нибудь одной сторонѣ дѣла, и тогда плодомъ его занятій являлась извѣстная монографія; потомъ, заинтересовавшись предметомъ жи-

²⁶²⁾ Таковымъ оригиналомъ, по мнѣнію Дауба (стр. 457 сл.), въ настоящемъ случаѣ былъ Асклепιάδης изъ Мирлен, авторъ сочиненія „*περὶ γραμματικῶν*“.

²⁶³⁾ Такъ думалъ Шнейдеръ (*De Callimachi operum tabula quae exstat apud Suidam*. Goth. 1862. Также *Callim. II* p. 2—33). Съ нимъ согласенъ и Даубъ (стр. 462).

вѣе и болѣе освоившись съ нимъ, онъ могъ снова возвратиться къ нему, но уже съ цѣлью придать своей работѣ болѣе общій характеръ, болѣе крупныя размѣры. Такъ объясняю я себѣ существованіе трактата „περὶ τῶν ἐν Εὐρώπῃ ποταμῶν“ наряду съ общимъ сочиненіемъ „περὶ τῶν ἐν τῇ οἰκουμένῃ ποταμῶν“, трактата „περὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ καὶ Ἰταλίᾳ θαυμασίων καὶ παραδόξων“ наряду съ сборникомъ „θαυμάτων τῶν εἰς ἅπασαν τὴν γῆν κατὰ τόπους ὄντων συναγωγή“, наконецъ, нашихъ двухъ „πίνακες“ болѣе спеціальнаго характера наряду съ многотомными «Таблицами», охватывавшими τοὺς ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλάμφαντας ²⁶⁴).

Выходить, стало быть, что съ моей точки зрѣнія „πίναξ τῶν... διδασκάλων“ былъ, такъ сказать, тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросли знаменитыя «Таблицы», редижированныя Каллимахомъ въ 120 книгахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и звеномъ, соединявшимъ пинакографическую дѣятельность александрійцевъ съ историко-литературными трудами Аристотеля и перипатетиковъ. Греческая древность завѣщала позднѣйшимъ временамъ цѣлый рядъ дидакалическихъ памятниковъ. Не говоря уже объ официальныхъ протоколахъ сценическихъ представленій, коихъ образцами могутъ служить надписи, опубликованныя Кёлеромъ СΙΑ II n° 972—975, существовали: 1) особые списки побѣдителей, подвизавшихся передъ аѳинскою публикою въ праздникъ великихъ діонисій, 2) общій перечень поэтовъ, удостоившихся награды въ продолженіе извѣстнаго періода времени (до 256 г. предъ Р. X.) какъ на городскихъ (великихъ) діонисіяхъ, такъ и во время ленѣйскихъ празднествъ, — разумѣется, съ точнымъ показаніемъ премированныхъ произведеній ²⁶⁵), и, наконецъ, 3) хорегическіе памятники, состоявшіе изъ ка-

²⁶⁴) Въ пользу своего объясненія я могу обратить слова самого Шнейдера, сказанныя имъ по другому поводу, но совершенно приложимыя къ данному случаю: „ex argumenti affinitate de librorum conjunctione ductae conjecturae ancipites plerumque sunt in Callimacho, qui eandem rem alias alibi tractare solebat“ (Callim. II p. 22).

²⁶⁵) Такъ назыв. ἀστικὸς κατάλογος, о которомъ срв. статью Бергка въ Rhein. Mus. XXXIV (1879), стр. 292 слл.

менных плитъ съ соотвѣстными надписями ²⁶⁶). Это были источники, изъ которыхъ проистекли все позднѣйшіе сборники дидаскалическаго содержанія. Аристотель первый созналъ ихъ интересъ и ихъ важность, а вслѣдъ за великимъ стагиритомъ отсюда черпали матеріалъ для своихъ работъ и другіе, — Дикзархъ, Каллимахъ, Аристофанъ византійскій, Аполлодоръ, Эратосѣенъ и проч. По справедливому замѣчанію Бѣка, дидаскалическіе труды названныхъ ученыхъ, опиравшіеся непосредственно на документальныя данныя и взаимно пополнявшіе и исправлявшіе другъ друга, заключали въ себѣ самыя точныя и опредѣленныя свидѣтельства о томъ, что касалось драматическихъ состязаній въ Аѣнахъ, и по степени своей достовѣрности могли быть поставлены наряду съ монетами, надписями и произведеніями первыхъ историковъ ²⁶⁷).

Въ какой мѣрѣ былъ Каллимахъ заинтересованъ вопросами агонистики и геортологіи, — главнымъ образомъ, разумѣется, поскольку эти вопросы вообще были связаны съ исторіей греческой литературы ²⁶⁸), — о томъ мы можемъ судить по ссылкѣ на его трактатъ „περὶ ἀγώνων“ ²⁶⁹). М. Мейеръ полагалъ, что этотъ трактатъ входилъ, какъ интегральная часть, въ составъ большихъ «Таблицъ», но съ этимъ мнѣніемъ врядъ ли можно согласиться: источники наши не даютъ намъ ни малѣйшаго права предположить, что въ числѣ 120 книгъ, составлявшихъ матеріальный объемъ «Таблицъ», могла находиться и такая, которая хотя бы

²⁶⁶) На этихъ плитахъ обозначались имена архонтовъ, хореговъ, поэтовъ и титулы увѣнчанныхъ произведеній, — но врядъ ли также названія филъ. См. Oehmichen Das Bühnenwesen der Griechen u. Römer (Iw. Müller's Handbuch V), стр. 199; Gröbl op. l. p. 15 sq., 47 sqq. П. Никитинъ Обзоръ эпиграфич. документовъ по исторіи аттической драмы (Ж. М. Н. Пр. 1881. CCXVIII, стр. 611).

²⁶⁷) Aug. Böckh Kl. Schr. V, стр. 110.

²⁶⁸) Срв. выше, стр. 15 сл.

²⁶⁹) Harpocrat. (p. 10, 8 Bekk.=Schn. Callim. frgm. 1): "Ἀκτῖα Ὑπερίδης ἐν τῷ περὶ τοῦ Πολύεουκτον στρατηγεῖν. Ἀκτῖα ἀγῶν παλαιὸς ἦν, ὡς ὁἶλον ποιεῖ Καλλίμαχος ἐν τῷ περὶ ἀγώνων. См. также Suid. s. v. "Ἀκτῖα, Bekk. Anecd. p. 373, 30.

отчасти подходила къ содержанію названнаго изслѣдованія ²⁷⁰⁾. Съ другой стороны невозможно также принять и мнѣніе О. Шнейдера, который доказываетъ, что книга „περὶ ἀγώνων“ представляла собою дидактическое стихотвореніе, — стало быть, нѣчто вродѣ овидіевыхъ «Фастовъ», — и составляла первую часть стихотворнаго сборника, извѣстнаго подъ общимъ заглавіемъ „Αἴτια“ ²⁷¹⁾. Дѣло въ томъ, что, во первыхъ, мы не знаемъ, былъ ли это дѣйствительно сборникъ, а не цѣльное произведеніе, отличавшееся единствомъ темы и содержанія, — произведеніе, въ которомъ, можетъ быть, не было и мѣста для разсужденій о состязаніяхъ; во вторыхъ же, ничто насъ не принуждаетъ вѣрить въ существованіе отдѣльныхъ заглавій для каждой части означеннаго сборника, — напротивъ, всѣ ссылки на него, какими мы только располагаемъ, различаютъ отдѣльныя его книги исключительно по счету (ἐν πρώτῳ Αἰτίῳ, ἐν τῷ τέλει τοῦ β' τοῦ Αἰτίῳ, ἐν τρίτῳ τοῦ Αἰτίῳ и т. п.). Въ виду этого мнѣ кажется, что за сочиненіемъ „περὶ ἀγώνων“ слѣдуетъ признать значеніе самостоятельнаго трактата, и я убѣжденъ, что трактатъ этотъ возникъ не безъ соотношенія съ дидакалическою работою Каллимаха: онъ либо предше-

²⁷⁰⁾ Meyer Opusc. I, p. 91. Здѣсь вообще дано о каллимаховыхъ „Таблицахъ“ понятіе, слишкомъ далекое отъ истины: по Мейеру, одна часть этого труда представляла собою „Ὀνομαστικόν“ и заключала въ себѣ слѣдующія рубрики: νόμων πίνακες, νόμιμα βαρβαρικά, περὶ ὀρνίθων, ἐθνικαὶ ὀνομαστικαί, κτίσεις νήσων καὶ πόλεων καὶ μετονομαστικαί, περὶ μετονομαστικῆς ἰχθύων, μνηῶν προσηγορίαι κατὰ ἔθνος καὶ πόλεις, θαυμάσια, περὶ ἀγώνων, περὶ τῶν ἐν οἰκουμένῃ [ἐν Εὐρώπῃ, ἐν Ασίᾳ] ποταμῶν. Это — не болѣе, какъ догадка, лишнная какихъ бы то ни было основаній. Не можемъ одобрить также и того, что говоритъ по этому поводу Эггеръ (Callim. bibl. p. 74): „Un ouvrage également perdu de Callimaque et qui était intitulé: „les Concours“ (Ἀγῶνες), semble former l'introduction de ces tables [Πίνακες]“, car il traitait sans doute des panégories grecques, où concouraient les poètes, les artistes, comme les athlètes et les habiles conducteurs de chevaux“. Все, что возможно сказать теперь о трактатѣ „περὶ ἀγώνων“ на основаніи новѣйшихъ работъ Дильтея, Ланге, Любберта и др., прекрасно резюмировано у Зуземиля стр. 367, прим. 88.

²⁷¹⁾ „Αἴτια — carmen sive potius sylloga carminum“ (Schn. II, p. 35). Обстоятельную критику фантастической реконструкціи Шнейдера см. у Куа вышеназв. соч., стр. 133 слл. Также см. Rhode Griech. Roman, стр. 85, прим. 1.

ствовалъ ей, либо,—что, впрочемъ, менѣе правдоподобно,—былъ вызванъ ею. Какъ ученикъ перипатетика Праксифана²⁷²⁾, Каллимахъ могъ съ особеннымъ интересомъ останавливаться на тѣхъ темахъ, которыя съ такою любовью разрабатывались корифеями перипатетической школы, и такимъ образомъ въ совершенствѣ подготовить себя къ главному труду своей жизни,—къ составленію знаменитыхъ «Таблицъ».

Итакъ, возвратимся же къ этимъ послѣднимъ. Отвергнувъ гипотезу о построеніи ихъ въ порядкѣ буквъ греческаго алфавита, мы принимаемъ за достовѣрное, что весь историко-литературный и библиографическій матеріалъ, находившійся въ распоряженіи Каллимаха, былъ имъ распределенъ по отдѣламъ, внутри которыхъ необходимо допущены были многія частныя подраздѣленія. Къ сожалѣнію, совершенно невозможно при нынѣшнемъ состояніи нашихъ источниковъ болѣе или менѣе точно опредѣлить число такихъ отдѣловъ. Можно лишь съ вѣроятностью предполагать, что оно соотвѣтствовало приблизительно числу важнѣйшихъ видовъ литературныхъ произведеній и что, стало быть, по крайней мѣрѣ эпосъ, лирика, драма, исторія, философія и ораторское искусство составляли въ «Таблицахъ» отдѣльныя, самостоятельныя части. Это подтверждается имѣющимися въ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ ссылками на „τίνακας, ἐν οἷς αἱ ἀναγραφαὶ ἦσαν τῶν δραμάτων“ (Schn. 100^a, 5), на „τὴν τῶν ῥητορικῶν ἀπογραφὴν“ (ibid. 24) и на неправильное отнесеніе Продика въ разрядъ реторовъ, тогда какъ де его мѣсто—въ ряду философовъ (σαφῶς γὰρ ἐν τοῦτοις φιλόσοφος, frgm. 22). Кромѣ того весьма вѣроятно, что и науки также были сгруппированы въ особые классы, такъ что вмѣстѣ съ Шнейдеромъ мы вправѣ предполагать существованіе въ «Таблицахъ» отдѣльных рубрикъ для географіи и періегезы, для медицины, для математики, для агрикультуры и проч. Наконецъ,—и на то у насъ есть категорическія указанія,—въ особые отдѣлы были отнесены, во первыхъ, законы (fgm. 25), а во вторыхъ—все то, что

²⁷²⁾ См. выше стр. 112.

не подходило по содержанию ни подъ одну изъ предыдущихъ рубрикъ, что не подчинялось никакимъ определеннымъ формуламъ и должно было найти мѣсто въ дополненіи къ систематическому каталогу, въ разрядѣ «смѣси» (frgm. 7, 8).

Что касается того, какъ были озаглавлены различныя части «Таблицъ», то вопреки Шнейдеру я не думаю, чтобы заглавія эти отличались единообразиемъ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что задачею Каллимаха было представить на первомъ планѣ перечень дѣятелей, со славою подвизавшихся на поприщѣ науки и литературы (τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ λαμπράντων) и уже на второмъ планѣ — перечень ихъ произведений (καὶ ὧν συνέγραψαν), Шнейдеръ въ этомъ смыслѣ восстанавливаетъ и отдѣльные (частные) титулы, какъ то: πίναξ τῶν ἐποποιῶν καὶ τῶν λοιπῶν ποιητῶν, π. τῶν διδασκάλων, π. τῶν νομογράφων, π. φιλοσόφων и проч. На самомъ дѣлѣ Каллимахъ могъ и не быть въ такой мѣрѣ последователенъ, и, сохраняя въ текстѣ своей работы всюду первое мѣсто за дѣятелями, онъ въ заголовкѣ иныхъ отдѣловъ могъ обозначать самые роды ихъ произведений. На это указываютъ ссылки на πίναξ τῶν νόμων (не νομογράφων или νομοθετῶν)²⁷³, πίναξ τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων, ἀναγραφαὶ τῶν δραμάτων²⁷⁴). Правда, возможно, что и въ ссылкахъ допущена нѣкоторая неточность и ради краткости приведены не полныя титулы, а лишь указана сущность каждаго изъ нихъ. Аэеней, у котораго именно и находятся наши ссылки, довольно часто прибѣгаетъ къ такого рода сокращеніямъ въ своихъ цитатахъ, но при этомъ всегда съ сохраненіемъ основной редакціи заглавія и лишь съ выпущеніемъ тѣхъ

²⁷³) Въ числѣ произведений Теофраста три книги „Νομοθετῶν“ приводятся отдѣльно отъ 24 книгъ „Νόμων“, расположенныхъ „κατὰ στοιχείου“ (Diog. L. V, 44, 45).

²⁷⁴) Относится ли сюда также и ссылка на „τῶν ῥητορικῶν“ [Meyer p. 89 подразумеваетъ συγγραμμάτων] „ἀπογραφή“, — сомнительно. Schol. Aristoph. Av. 692 цитуетъ каллимаховъ списокъ ораторскихъ произведений такъ, какъ будто бы въ заглавіи его стояло „ἀναγραφὴ τῶν ῥητόρων“. Срв. Isocr. 3, 8: ῥητορικοὺς λέγομεν τοὺς ἐν τῇ πλήθει λέγειν δυναμένους.

частей его, которыя могутъ быть выпущены безъ ущерба для смысла. Такъ напр. онъ говорить: Πολέμων ἐν πρώτῳ Περὶ ἀκροπόλεως вмѣсто Περὶ τῆς Ἀθήνησιν ἀκροπόλεως, Ἐχαιῶς ἐν Ἀσίᾳ в.м. ἐν τῇ τῆς Ἀσίας περιηγήσει, Πάμφιλος ἐν Γλώσσαις в.м. ἐν τοῖς περὶ Γλωσσῶν καὶ ὀνομάτων и т. п. Сообразно съ этимъ вмѣсто „πίναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων νομογράφων“, какъ возстановляетъ полное заглавіе соотвѣтствующей таблицы Шнейдеръ, мы могли бы ожидать у Аэенія просто ссылки на „πίναξ τῶν νομογράφων“. Но зачѣмъ понадобилось бы ему измѣнить „νομογράφων“ въ „νόμων“? Зачѣмъ нужно было превратить [πίναξ καὶ] ἀναγραφὴ τῶν διδασκάλων въ ἀναγραφὴ τῶν δραμάτων? Естественнѣе всего думать, что въ этихъ случаяхъ не послѣдовало никакого измѣненія подлинной редакціи титуловъ и что въ самихъ «Таблицахъ» заглавія отдѣльных частей не были составлены всѣ по одному шаблону.

Крупные отдѣлы, безъ сомнѣнія, были расчленены на болѣе дробныя части, распадавшіяся, можетъ быть, въ свою очередь на главы или параграфы. Въ пользу такого утверждения говорить между прочимъ то обстоятельство, что весь трудъ Каллимаха былъ раздѣленъ на весьма большое количество книгъ, а изъ нихъ каждая, по всей вѣроятности, составляла болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое. При извѣстной намъ нелюбви александрійскаго полиграфа къ объемистымъ книгамъ, — „μέγα βιβλίον μέγα κακόν“, говорилъ онъ ²⁷⁵⁾, — нужно предположить, что отдѣльныя книги, входившія въ составъ его «Таблицъ», были всѣ небольшого размѣра и, стало быть, заключали въ себѣ и небольшіе

²⁷⁵⁾ Толкованіе этого знаменитаго изреченія, предложенное Биртомъ (стр. 482 сл.), нынѣ всеми отвергнуто, и мы не возьмемъ на себя защиту химерической гипотезы названнаго ученаго. Вслѣдъ за большинствомъ изслѣдователей, мы ставимъ это изреченіе въ связь съ теоретическимъ споромъ, который въ концѣ концовъ привелъ къ непримиримой враждѣ между Каллимахомъ и Аполлоніемъ родосскимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что авторъ, относившійся съ отвращеніемъ къ поэмамъ, безконечнымъ, какъ море, и отличавшійся краткостью и отсутствіемъ многословія въ своихъ стихотворныхъ опытахъ, долженъ былъ стремиться къ сжатости и въ прозаическихъ произведеніяхъ.

отдѣлы. Разумѣется, въ настоящее время, опираясь на три десятка фрагментовъ, возстановить полную схему этихъ послѣдовательныхъ дѣлений, весь планъ монументальнаго произведенія гораздо труднѣе, нежели даже по нѣсколькимъ костямъ допотопнаго животнаго возсоздать весь его остовъ, и если Кювье считалъ послѣднюю задачу по своимъ силамъ, то мы все же не посмѣемъ взяться за разрѣшеніе первой. Мы ограничимся лишь нѣкоторыми отрывочными на этотъ счетъ заключеніями, возможность которыхъ допускается состояніемъ нашихъ источниковъ.

Такъ, во первыхъ, относительно драматическихъ произведеній можно думать, что къ нимъ была примѣнена классификація, встрѣчаемая и въ официальныхъ памятникахъ дидакалическаго содержанія, т. е. для комиковъ и для трагиковъ было отведено особое мѣсто. Было ли при этомъ допущено и дальнѣйшее раздѣленіе тѣхъ и другихъ по свойству одержанныхъ ими побѣдъ (*ἀστικάι* и *λῆναίκαι νῆκαι*), рѣшить мудрено ²⁷⁶); но что въ числѣ комиковъ—вѣроятно, въ особой рубрикѣ,—были помѣщены и представители пародіи, въ этомъ, кажется, можно быть увѣреннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Аэнея (I, p. 5 b), Гегемона Θасосскаго (автора многочисленныхъ пародій) пинакографы [*τινὲς*?] относили къ разряду поэтовъ древней комедіи, и такимъ же самымъ образомъ и о другомъ пародѣ,—Архестратѣ,—трактовалъ Ликофронъ въ сочиненіи, посвященномъ комедіи (*περὶ κωμῳδίας*) ²⁷⁷). Фрагментъ каллимаховыхъ «Таблицъ», относящійся къ тому же Архестрату,

²⁷⁶) Такое раздѣленіе признаетъ вышеупомянутый *ἀστικός κατάλογος*. Въ реальномъ каталогѣ, каковымъ были наши „*Πίνακες*“, оно могло оказаться лишнимъ.

²⁷⁷) Въ отдѣлѣ о комикахъ Каллимахъ могъ трактовать также о представителяхъ мима и миміамба. Болѣе сомнительно, занимали ли отдѣльное мѣсто такъ наз. сатипрографы. Повидимому, во времена Каллимаха сатирическая драма еще не разорвала своей связи съ трагедіею, и трагики были также и *ποιηταὶ σατύρων*. Лишь позднѣе явились спеціалисты, посвящавшіе себя исключительно сочиненію сатирическихъ драмъ (напр. *Δημήτριος ὁ Ταρσιδὲς σατυρογράφος* ap. Diog. L. V, 85). См. П. В. Никитинъ. Къ ист. аѳинскихъ драматич. состязаній (Ж. М. Н. Пр. 1882 авг. стр. 339 сл.).

дошелъ до насъ (Schn. 100^a, 9), и можно поставить вопросъ, не слѣдуетъ ли изъ отдѣла «смѣси» (μίναξ τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων), въ которомъ онъ находится у Бенгли и Ваксмута, перемѣстить его въ отдѣлъ драматическихъ произведеній? Правда, въ этомъ фрагментѣ названа архестратова Ἠδυπάθεια или Δειπνολογία, которой, разумѣется, не мѣсто среди драмъ (по Аеенею, это—ἐπικὸν ποίημα); но неизвѣстно, были ли распределены въ «Таблицахъ», какъ того требовала бы система, разнородныя произведенія однихъ и тѣхъ же авторовъ по разнымъ классамъ, такъ что напр. Аристотель, какъ авторъ гимновъ и элегій, фигурировалъ въ первомъ отдѣлѣ, а какъ философъ—примѣрно въ пятомъ или шестомъ, или же Каллимахъ помѣщалъ каждаго автора со всѣми его сочиненіями въ томъ отдѣлѣ, къ которому онъ тяготѣлъ по основному характеру своей литературной дѣятельности. Въ послѣднемъ случаѣ предложенный нами вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Авторы слѣдовали одинъ за другимъ, повидимому, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ, конечно, въ области драматической поэзіи Каллимахъ, имѣвшій возможность основываться на результатахъ прежнихъ своихъ работъ («περὶ ἁγώνων» и «μίναξ τῶν κατὰ χρόνους κτλ. διδασκάλων») и пользоваться дидаскалическими трудами Аристотеля и Дикзарха, обширными сочиненіями Хамэлектонъ, Ликофрона и проч., долженъ былъ чувствовать подъ собою довольно твердую почву ²⁷⁸). Труднѣе его положеніе было въ отношеніи прозаиковъ, особенно же въ отношеніи ораторовъ, для которыхъ въ предшествовавшей ученой литературѣ не было сдѣлано ничего. Каллимахъ принужденъ былъ сдѣлать пер-

²⁷⁸) Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что „комодическіе агоны въ Афинахъ сдѣлались официально признанною частью діонисіеихъ праздниковъ значительно позже, чѣмъ трагодическіе. Уже Аристотель (Poet. 5) объяснялъ этимъ, почему исторія комедіи становится доступною изслѣдованію со времени значительно болѣе поздняго, чѣмъ исторія трагедіи, и это совершенно понятно, такъ какъ тотъ періодъ развитія комедіи, когда она еще не была официально признана, не могъ оставить никакого слѣда по себѣ въ официальныхъ записяхъ“ (П. В. Никитинъ прив. соч. Ж. М. Н. Пр. 1882, авг. стр. 351).

вый шагъ въ дѣлѣ историческаго изученія ихъ произведеній, и немудрено, если соотвѣтствующая часть его труда оказалась сравнительно съ другими частями болѣе слабою и въ послѣдствіи подвергалась рѣзкой критикѣ со стороны такихъ знатоковъ предмета, какъ напр. Діонисій галикарнасскій ²⁷⁹). Для насъ, вѣроятно, останется вѣчною загадкою вопросъ о томъ, какъ онъ при этомъ дѣлилъ доступный ему матеріалъ; но, судя по приведенной выше цитатѣ Аѳенія ²⁸⁰), стремленіе къ полнотѣ перечисленія послужило причиною того, что въ списокъ ораторовъ, — безъ сомнѣнія, въ числѣ третьестепенныхъ представителей краснорѣчія, — ошибочно попали и лица, какъ Діонисій Χαλκοῦς, вовсе непричастныя этому искусству или, какъ Продикъ, причастныя ему только отчасти ²⁸¹). Въ списокъ философовъ греческіе мыслители были, естественно, сгруппированы по школамъ и сектамъ. По словамъ Бергга, исторія философіи стала въ Греціи предметомъ самаго внимательнаго и всесторонняго изученія несравненно раньше, нежели исторія какой бы то ни было другой отрасли человѣческаго вѣдѣнія ²⁸²), и уже Теофрасту принадлежалъ первый опытъ критическаго изложенія этой науки (φυσικῶν δοξῶν βιβλία ιη'). За Теофрастомъ послѣдовали другіе перипатетики съ историко-философскими трактатами общаго и частнаго характера, какъ то: Гераклідъ понтійскій (περὶ Πυθαγορείων), Фаній (περὶ τῶν Σωκρατικῶν и πρὸς τοὺς σοφιστάς), Дикѳархъ (βίοι φιλοσόφων), Деметрій фалерскій (τῶν ἐπτὰ σοφῶν ἀποφθέγματα) и проч. Такимъ образомъ Каллимахъ не былъ первымъ пионеромъ въ этой области и въ своихъ источникахъ долженъ былъ найти богатый и уже въ значительной степени упорядоченный матеріалъ. Тѣмъ не менѣе классификація философскихъ произведеній также была сопряжена съ немалыми трудностями. Иногда принадлежность философа къ той или

²⁷⁹) Dion. Halic. de Dinarch. iudic. 1.

²⁸⁰) Athen. XV стр. 669 d. Срв. выше стр. 148.

²⁸¹) См. выше стр. 173.

²⁸²) Bergk Gr. LG. I, стр. 271.

другой школѣ могла подвергаться сомнѣнію ²⁸³), иногда возникалъ вопросъ о дѣйствительномъ авторѣ сочиненія, приписываемаго иными одному, иными другому писателю ²⁸⁴), и т. п.

Не знаемъ, что сказать объ отдѣлѣ, носившемъ заглавіе νόμων πίνακες. Нитцше ²⁸⁵) не признавалъ за нимъ самостоятельнаго значенія и отводилъ ему мѣсто подъ рубрикою „παντοδαπὰ συγγραμματα“. Къ этому мнѣнію присоединился и Даубъ ²⁸⁶). Напротивъ, Шнейдеръ понимаетъ ссылку Аэнея: ἐν τῷ τρίτῳ πίνακι τῶν νόμων такъ, какъ будто бы у него было сказано: ἐν τῷ τρίτῳ πίνακι, τῷ τῶν νόμων или τῷ νόμων, и потому помѣщаетъ „πίναξ τῶν νόμων“ на третьемъ мѣстѣ въ ряду «Таблицъ» ²⁸⁷). Это толкованіе въ свою очередь нашло сторонника въ лицѣ Зуземиля ²⁸⁸). Къ великому сожалѣнію, единственное свидѣтельство, относящееся къ загадочному отдѣлу, такого неопредѣленного свойства, что строить свои заключенія на основаніи его одного—дѣло весьма мудреное. Оно касается правилъ обѣденнаго ритуала или, можетъ быть, обѣденныхъ взносовъ (νόμος συσσιτικός), которые были составлены извѣстною куртизанкою Гнаэною для ея поклонниковъ по образцу ²⁸⁹) другихъ подобныхъ правилъ, бывшихъ въ ходу у нѣкоторыхъ философовъ ²⁹⁰). Въ общемъ представляется допустимымъ, что шуточные регламенты вродѣ названнаго «νόμος» Гнаэны могли найти для себя мѣсто у Каллимаха въ спискѣ законовъ послѣ того, какъ уже исчис-

²⁸³) Diog. L. VIII, 8, 1 = Callim. 100^a, 13.

²⁸⁴) Harpocr. v. Ἴων = Callim. 100^a, 15.

²⁸⁵) См. выше стр. 167, прим. 257.

²⁸⁶) Daub p. 420, adn.: „rectissime vero meo quidem iudicio de ordine catalogi τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων disseruit [Nitzsche]“.

²⁸⁷) Schn. Callim. II p. 311.

²⁸⁸) Susemihl, стр. 338.

²⁸⁹) Athen. I. I. κατὰ ζῆλον τῶν τὰ τοιαῦτα συνταξαμένων φιλοσόφων. Произведеніе Гнаэны, заключавшее въ себѣ 323 строки, представляло собою, очевидно, болѣе или менѣе остроумную пародію на философскіе νόμοι συσσιτικοί.

²⁹⁰) Срв. Athen. V p. 186 b: τοῦ γοῦν Ξενοκράτους ἐν Ἀκαδημαίᾳ καὶ πάλιν Ἀριστοτέλους συμποτικοί τινες ἦσαν νόμοι. Срв. id. I p. 3^f. Справедливо полагаетъ Виламовицъ (Antig. v. Karyst. стр. 283, прим. 14), что оба извѣстія почерпнуты Аэнеемъ изъ пинакографическихъ источниковъ.

лены были раньше νόμοι πολιτικοί, παιδευτικοί и проч., и, если Теофрастъ посвятилъ вопросу о законахъ 24 книги (срав. прим. 273), а Деметрій фалерскій въ 5 книгахъ разсмотрѣлъ лишь аѳинское законодательство ²⁹¹⁾, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что александрійскій пинакографъ отвелъ на этотъ предметъ по крайней мѣрѣ три книги. Какое мѣсто занимали эти три книги въ экономіи всего произведенія, — это, повидимому, вопросъ неразрѣшимый. Изъ ссылки Аѳеняя я усматриваю только одно, — именно, что и отдѣлы о законахъ въ каллимаховыхъ «Таблицахъ» расчленился на под-отдѣлы, въ числѣ коихъ фигурировали между прочимъ подъ особою рубрикою νόμοι συσσιτικοί. Терминъ «πῖναξ», разумѣется, могъ быть примѣненъ къ каждому изъ такихъ под-отдѣловъ съ тѣмъ же правомъ, какъ и ко всѣмъ имъ въ совокупности, т. е. въ «Таблицахъ» могло значиться: Πῖναξ τῶν νόμων, какъ общее заглавіе, и затѣмъ, какъ заглавія частныя: а) πῖναξ τῶν πολιτικῶν νόμων, б) πῖναξ τῶν παιδευτικῶν νόμων и т. д. Я думаю такимъ образомъ, что трудность, усматриваемая Шнейдеромъ въ этомъ двоякомъ употребленіи слова «πῖναξ», болѣе воображаемая, нежели дѣйствительная ²⁹²⁾, ибо, допуская возможность такого употребленія, мы отнюдь не вкладываемъ въ это слово какаго-нибудь новаго понятія, отнюдь не приписываемъ ему какаго-нибудь не принадлежащаго ему значенія.

Именамъ авторовъ, размѣщеннымъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ и частяхъ, сопутствовали, какъ сказано, разнаго рода замѣчанія и сообщенія біографическаго свойства. Это не значить, что каллимаховы «Таблицы» были чѣмъ то вродѣ біографическаго словаря писателей, но несомнѣнно, что во всякомъ случаѣ имъ элементъ біографическій не былъ

²⁹¹⁾ Herwig op. l. p. 10 sq.

²⁹²⁾ Schn. Calim. II p. 311: „Certe si verba πῖνακι τῶν νόμων arctissime conjungenda censueris, ut plures νόμων πῖνακες significantur, hoc exorietur difficultatis, quod iam secundam in uno hoc Callimachi opere significationem vocis πῖναξ habebimus, quae non solum totius operis singulas partes singulis literarum generibus destinatas significat, sed nunc etiam significabit harum partium singulos libros, quorum in universum numerus fuit CXX“.

чуждъ. Такъ, во первыхъ, при имени писателя обозначалось его отчество или, если послѣднее было сомнительно, то и цѣлый рядъ показанныхъ въ различныхъ рукописяхъ отчествъ; во вторыхъ, отмѣчалась дѣйствительная или вѣроятная родина его; засимъ, въ третьихъ, слѣдовало обозначеніе времени процвѣтанія его (ἀρχή), а равно давались необходимыя свѣдѣнія о его учителяхъ, о принадлежности его къ той или другой школѣ. При этомъ, какъ мы видѣли, могло возникать немало критическихъ вопросовъ. Безъ сомнѣнія, въ детальное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ Каллимахъ по самому свойству своей работы входить не могъ и въ большинствѣ случаевъ принужденъ былъ довольствоваться простымъ перечисленіемъ разногласящихъ показаній; но, какъ это явствуетъ изъ нашихъ фрагментовъ, къ подобному перечисленію зачастую составитель отваживался присоединять и собственное заключеніе.

За именами авторовъ и короткими замѣчаніями о ихъ жизни и дѣятельности слѣдовалъ, далѣе, перечень произведеній, имъ приписываемыхъ или дѣйствительно принадлежащихъ. Здѣсь опять представлялся широкій просторъ для подозрительной критики. Вышло ли подлинно данное произведеніе изъ-подъ пера того, чье имя стояло въ его заголовкѣ? Не слѣдовало ли его отнести скорѣе въ разрядъ *ψευδεπιγράφων*? Если да, то кто же былъ его настоящимъ авторомъ? Какую редакцію имѣлъ подлинный титулъ произведенія? Въ какомъ отношеніи находилось оно къ другимъ сочиненіямъ того же писателя?—все это настоятельно требовало разъясненія и отвѣта. Фрагменты 4-й, 9-й, 10-й, 14-й, 15-й, 16-й, 18-й, 23-й, 26-й (Schn. 100^d) наглядно показываютъ, что нашъ пинакографъ добросовѣстно старался разрѣшать подобныя трудности, представлявшіяся ему на каждомъ шагѣ при каталогизаціи александрійской бібліотеки, и зачастую разрѣшалъ ихъ удачно. Если же и приходилось ему дѣлать промахи, то,—скажемъ словами М. Мейера²⁹³),—

²⁹³) M. Meyer p. 89.

«quis paullo humanior non ignoscet opere in longo obrep-
sisse somnum»?..

Въ спискахъ сочинений, принадлежавшихъ отдѣльнымъ авторамъ, Каллимахъ, повидимому, не всегда держался одного и того же порядка. Можно считать болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что по требованію обстоятельствъ онъ иногда принужденъ былъ отступать отъ принципа дѣленія по родамъ и видамъ, положеннаго имъ въ основаніе своего труда. Мы можемъ, правда, сослаться только на одинъ примѣръ, подтверждающій это, но смѣемъ думать, что этотъ примѣръ не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ. У Діогена лаэртскаго есть списокъ сочинений Теофраста, составленный въ строго выдержанномъ алфавитномъ порядкѣ. По изслѣдованію Узенера, источникомъ для Діогена при этомъ служилъ каллимахеецъ Гермиппъ ²⁹⁴), а послѣдній, какъ увидимъ, опирался на каллимаховы «Таблицы», такъ что къ нимъ, стало быть, возводится названный списокъ, какъ къ своему первоисточнику ²⁹⁵). Ваксмуть кромѣ того полагалъ, что и въ спискахъ драматическихъ произведеній Каллимахъ придерживался алфавитнаго порядка. Дѣло въ томъ, что до насъ дошли образчики бывшаго въ употребленіи у древнихъ грамматиковъ обозначенія пьесъ по мѣсту, занимаемому каждою изъ нихъ въ общемъ счетѣ принадлежавшихъ тому или другому драматургу произведеній. Такъ «Финикиянки» считались третьею, а «Алкеста» — семнадцатою трагедіею Эврипида, «Персы» — третьею пьесою Эсхила, «Птицы» — тридцать пятою, а «Старость» — девятою комедіею Аристофана, «Антигона» — тридцать второю трагедіею Софокла и т. п. ²⁹⁶). Спрашивается, какъ понимать такое обозначеніе? Значить ли оно, что пьесы были расположены въ хронологическомъ порядкѣ, какъ явствуетъ, повидимому, изъ ватиканской «ὑποθesis»

²⁹⁴) Usener op. l. p. 24.

²⁹⁵) Срв. Wachsmuth въ Philol. 16 стр. 662. См. ниже стр. 216.

²⁹⁶) Schol. Eurip. Orest. 1481; ibid. 210; ibid. 23; argum. Eurip. Alcest. (2); argum. Aristoph. Av. (1); argum. Sophocl. Antig.—См. Wachsmuth p. 664.

къ эврипидовой «Алкестѣ»: τὸ δρᾶμα ἐποιήθη ἰζ' ? Или, быть можетъ, имѣлось въ виду, такъ сказать, каноническое распредѣленіе драмъ соотвѣтственно эстетическимъ достоинствамъ каждой? Или, наконецъ, обозначалось цифрою то мѣсто, которое занимала пьеса по порядкѣ буквъ греческаго алфавита? Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не допускаетъ вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія. Слово „ἐποιήθη“ въ вышеприведенной цитатѣ возбуждаетъ критическія сомнѣнія, и вообще наши хронологическія свѣдѣнія не оправдываютъ той нумераціи драматическихъ произведеній, съ которою мы только что познакомили читателя ²⁹⁷⁾. Думать, что нумерація эта выражала степень эстетической оцѣнки, также не приходится: правда, въ нашихъ рукописяхъ комедіи Аристофана расположены въ порядкѣ, въ значительной мѣрѣ обусловленномъ эстетическими взглядами позднѣйшихъ грамматиковъ ²⁹⁸⁾, но вправѣ ли мы возникновеніе списка аристофановыхъ комедій, составленнаго по принципу эстетической оцѣнки, приурочивать ко временамъ Каллимаха, — къ тѣмъ временамъ, къ которымъ, несомнѣнно, относится наша нумерація? Вправѣ ли мы, далѣе, предполагать, что и пьесы другихъ драматурговъ были подчинены такому же — во всякомъ случаѣ произвольному — распредѣленію? Повидимому, — нѣтъ, ибо у насъ есть слѣды и иного, именно алфавитнаго

²⁹⁷⁾ Для Эврипида имѣемъ слѣдующія даты: 455 г. онъ впервые выступилъ на сценическомъ поприщѣ; 442 г. *πρῶτον ἐνίκησε*; 438 г. поставилъ на сцену четыре драмы и въ ихъ числѣ „Алкесту“ (*Κοῖσσαι*, *Ἀλκιδέων*, *Τήλεφος*, *Ἀλκιστис*); 406 † Всѣхъ пьесъ ему приписывалось 92. Для Софокла: 472 г. постановка первыхъ пьесъ и первая побѣда; 442 „Антигона“; 406 † Число приписываемыхъ поэту пьесъ — 130 [123]. Для Аристофана: 427 постановка первой комедіи; 415 „Птицы“; ? „Старость“; 387 (?) † Число пьесъ — 44 (40). — Впрочемъ, въ пользу хронологическаго значенія приведенной въ текстѣ нумераціи пьесъ въ послѣднее время снова высказался Христъ Gr. Lg.², стр. 197 прим. 1, 218 прим. 3.

²⁹⁸⁾ Вотъ этотъ порядокъ: Plut. Nub. Ran. Eq. Ach. Vesp. Pac. Av. Thesm. Eccl. Lys. „Massgebend war für diese Folge offenbar nicht die Abfassungszeit der Stücke, vielmehr stehen voran die 3 Stücke, welche den späteren Grammatikern die lesenswerthesten schienen, der Plutus als Vorbild der neuen Komödie, die Wolken und Frösche wegen ihrer Beziehung zu Euripides und Socrates; den Schluss bilden die 3 Weiberkomödien“. Christ LG.², стр. 251 прим.

ихъ распредѣленія. Оставляя въ сторонѣ Свиду, у котораго въ послѣдовательности буквъ греческой азбуки расположены драматическія произведенія s. v. Διογένης ἢ Οἰνόμαος, Κλεοφῶν, Λυκόφρων, Φιλοκλῆς, Χιωνίδης, Κράτης Ἀθηναῖος, Εὐπολῖς, Πλάτων, Λεύκων, Κηφισόδωρος, Φόρμος и др. ²⁹⁹), я сошлюсь на списокъ эсхилowych трагедій въ cod. Laur., на неполный списокъ произведеній Эврипида, сохранный намъ альбанскою (нынѣ луврскою) статуэткою поэта ³⁰⁰), наконецъ, на каталогъ комедій Платона, находящійся у грамматика Андроника ³⁰¹). Почему бы не предположить, — въ виду изряднаго количества примѣровъ послѣдней категоріи, — что алфавитный порядокъ былъ въ подобныхъ случаяхъ общеупотребительнымъ и первоначальнымъ и что именно въ немъ слѣдуетъ искать оправданія для приведенныхъ выше цифръ? Вакмутъ такъ и поступаетъ. По его мнѣнію, тѣ числовыя показанія, которыя могутъ быть безъ натяжки возведены, какъ къ основному источнику, къ Каллимаху, объяснимы только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что въ «Таблицахъ» при именахъ трагиковъ и комиковъ произведенія ихъ были расположены въ порядкѣ алфавита ³⁰²). Тѣмъ не менѣе все же трудно понять, какимъ образомъ въ ряду трагедій Софокла «Антигона» могла стоять на 32-мъ мѣстѣ, а въ ряду трагедій Эврипида «Алкеста» — на 17-мъ, между тѣмъ какъ въ нашихъ источникахъ засвидѣтельствовано для перваго поэта не болѣе 18 пьесъ съ заглавіями, начинающимися буквою Α ³⁰³), а для втораго — лишь 12 пьесъ съ такими заглавіями. Поэтому Вилламовицъ высказалъ новое предположеніе, —

²⁹⁹) См. Daub стр. 412 сл.

³⁰⁰) Baumeister Denkmäler d. klass. Alterth. стр. 516.

³⁰¹) Andron. περὶ τάξεως ποιητῶν.

³⁰²) Wachsm. стр. 664: „Beide Angaben [т. е. argum. Ant. Alc.] widerstreben der chronologischen Reihenfolge; die alphabetische ist bei dieser [arg. Alc.] nicht unwahrscheinlich, bei jener [arg. Ant.] nicht unmöglich“.

³⁰³) Въ крайнемъ случаѣ не болѣе 20 пьесъ, если отнесемъ сюда же двѣ сатирическія драмы съ заглавіями „Ἀχαιῶν σύλλογος ἢ σύνδειπνον“ и „Ἀχιλλέως ἐρασταί“.

именно, что загадочныя цифры указывали въ «Таблицахъ» ³⁰⁴⁾ на мѣста, занимаемыя различными пьесами въ ходившихъ по рукамъ и обращавшихся въ продажѣ сборникахъ трагедій, гдѣ алфавитный порядокъ, хотя и былъ принятъ во вниманіе, но не вполне былъ соблюденъ. Въ этихъ сборникахъ, по увѣренію Виламовица, пьесы, заглавія коихъ начинались одною и тою же буквою, были сгруппированы вмѣстѣ, но послѣдовательность такихъ группъ была совершенно произвольна и стояла въ зависимости отъ чисто внѣшнихъ причинъ, — напр. отъ объема каждой группы ³⁰⁵⁾. Такимъ образомъ группѣ пьесъ съ начальною буквою А въ заглавіяхъ могли предшествовать какія нибудь другія группы, такъ что въ общемъ счетѣ софоклова «Антигона» дѣйствительно могла занимать 32-е мѣсто ³⁰⁶⁾.

Какъ бы то ни было, можно сказать съ увѣренностью, что бывали случаи, когда составитель «Таблицъ» считалъ удобнымъ и цѣлесообразнымъ слѣдовать въ распредѣленіи книжныхъ титуловъ порядку греческаго алфавита. По большей же части онъ руководился, повидимому, другими принципами и старался классифицировать произведенія каждаго автора по ихъ содержанію и вообще по родамъ, κατ' εἶδη. Такъ между прочимъ были расположены въ «Таблицахъ» произведенія хоровой лирики, напр. стихотворенія Пиндара.

³⁰⁴⁾ Что цифры заимствованы вообще изъ какого то каталога, на это указываетъ слово λείπονται въ argum. Ant. Срв. Wilamowitz Analecta Euripidea (Berl. 1875), стр. 133. [Ссылаться на это сочиненіе Виламовица я, къ сожалѣнію, принужденъ по весьма неполнымъ выпискамъ изъ него, сдѣланнымъ мною два года тому назадъ въ библіотекѣ Имп. Ак. Наукъ].

³⁰⁵⁾ Свою гипотезу Виламовицъ основалъ на свидѣтельствѣ одного эпиграфическаго памятника, опубликованнаго Куманудисомъ ('ΑΖ. I). Формулируетъ онъ ее слѣдующимъ образомъ: „Qui in nescio quem voluminum numerum opera omnia Euripidis disposuerunt, et aequalia volumina facere et per litteras initiales conjuncta quoad fieri poterat conjunctim ponere volebant. Itaque ordinem vulgarem litterarum deseruerunt. Ponamus octonarium numerum. Convenit littera Π, convenit Ι, at Φ quinque tantum complectitur; adduntur ignotae (duae) et Υ (una); quinque Ε habet, cum tribus litterae Η conjungitur; quinque Σ, at, quoniam tres ut satyricae multo breviores sunt, binae Δ et Θ justum volumen explent“ (Anal. Eur. p. 142 sq.).

³⁰⁶⁾ См., впрочемъ, Christ Gr. LG. стр. 217, прим. 2.

На это имѣемъ прямое указаніе въ схоліяхъ къ Пиндару (de od. II Pyth.=Schn. 100^d, 16), гдѣ сообщается, что вторую пиндійскую оду названнаго поэта Каллимахъ причислялъ къ одамъ немейскимъ,—драгоцѣнное свидѣтельство, позволявшее предположить, что изъ двухъ дошедшихъ до насъ списковъ произведеній Пиндара одинъ, если не во всѣхъ частяхъ, то по крайней мѣрѣ въ своей основѣ обязанъ происхожденіемъ александрійскому пинакографу ³⁰⁷). Подобнымъ же образомъ глоссы Свида, относящіяся къ другимъ представителямъ лирической поэзіи, какъ то къ Θεογνιδῷ, Σιμωνιδῷ, Παρρηνίῳ, Σαπφῷ, Τιμοχάρει, Ἀλκμανῷ, Τιρταῷ и проч. и обнаруживающія также слѣды распредѣленія ихъ произведеній κατ' εἶδη, возводятся, несомнѣнно, какъ показалъ Даубъ ³⁰⁸), къ пинакографическимъ источникамъ, — стало быть, въ послѣдней инстанціи — къ нашимъ «Таблицамъ». При этомъ возможно, что порядокъ самыхъ видовъ литературнаго творчества опредѣлялся послѣдовательностью буквъ греческаго алфавита (срв. Suid. s. v. Σαπφῷ· ἔγραψε δὲ καὶ ἐπιγράμματα καὶ ἐλεγεία καὶ ἰάμβους καὶ μωνόδιους), равно какъ тотъ же алфавитный порядокъ могъ соблюдаться и при перечисленіи отдѣльныхъ произведеній, относившихся къ одному и тому же виду (срв. Suid. s. v. Παρθένιος). При тѣхъ авторахъ, которые стяжали громкую славу преимущественно въ одномъ только литературномъ родѣ, хотя подвизались и въ другихъ родахъ, первое мѣсто, вѣроятно, и занималъ именно тотъ родъ, которому они были обязаны своею извѣстностью (у Свида напр. s. v. Σαπφῷ на первомъ мѣстѣ значится: ἔγραψε μελῶν λυρικῶν βιβλία θ'). Съ этимъ обозначеніемъ произведеній κατ' εἶδη иногда, естественно, должно было совпадать и обозначеніе ихъ κατὰ μέτρα; въ тѣхъ же случаяхъ, когда такого совпаденія не было, метръ, употребленный поэтомъ, долженъ былъ каждый разъ обозначаться особо, при-

³⁰⁷) Исторію вопроса объ этихъ спискахъ см. у Дауба цит. соч. стр. 422. Позднѣйшія интерполяціи въ списокъ Свида доказаны Гиллеромъ и Иммишемъ (см. особенно Rhein. Mus. 44, стр. 553 сл.).

³⁰⁸) Назв. соч. глава IV.

чемъ къ такому указанію на размѣръ (δι' ἐλεγείας, ἐπικῶς или δι' ἐπῶν, μελικῶς и т. п.) необходимо присоединялось и другое указаніе—на діалектъ (Δωρίδι διαλέκτῳ, Ἰάδι διαλέκτῳ). Наконецъ, произведенія сомнительныя или подложныя съ соотвѣтствующими критическими замѣчаніями, по всей вѣроятности, стояли extra ordinem и заключали собою перечни.

Очеркъ, предложенный здѣсь нами читателямъ, представляетъ собою, разумѣется, до извѣстной степени произвольную реконструкцію плана каллимаховыхъ «Таблицъ», ибо опирается на заключенія, сдѣланныя отъ послѣдующаго къ предыдущему; но въ виду того авторитета, которымъ у позднѣйшихъ грамматиковъ пользовались „οἱ τοὺς πίνακας γράψαντες“ и во главѣ ихъ Каллимахъ, а главнымъ образомъ въ виду полной несамостоятельности дошедшихъ до насъ глоссографовъ и полной возможности возвести ихъ показанія къ александрийскимъ первоисточникамъ, этотъ очеркъ, кажется, можетъ претендовать на вѣроятность.

Принципъ дѣленія литературныхъ произведеній по родамъ и видамъ, примѣненный Каллимахомъ въ области лирики, былъ, повидимому, примѣненъ имъ и въ области ораторскаго искусства. По крайней мѣрѣ Зауппе доказалъ это по отношенію къ рѣчамъ Демосѳена³⁰⁹⁾. Что другіе ораторы не были при этомъ поставлены въ какое либо исключительное положеніе, но слѣдовали общему правилу, — въ томъ нѣтъ основанія сомнѣваться тѣмъ болѣе, что извѣстныя намъ въ подлинникахъ, въ отрывкахъ или только по названіямъ рѣчи Исократа, Лисія, Антифонта и др. обнаруживаютъ слѣды группировки по содержанію, вполне соотвѣтствующей распредѣленію демосѳеновыхъ рѣчей. И если въ позднѣйшее время, когда Аристиды стали читать въ школахъ, тотъ же принципъ дѣленія былъ примѣненъ и къ его произведеніямъ, то Виламовицъ, повидимому, правъ, видя въ этомъ не что иное, какъ возвращеніе къ изстари установи-

³⁰⁹⁾ H. Sauppe Epist. crit. ad God. Hermannum. Lips. 1841, p. 49. Rehdantz y Schäffer'a „Demosth. u. seine Zeit“, III, 2, стр. 321.

вшемуся обыкновению ³¹⁰). Подобнымъ же образомъ и въ области философіи такая предметная группировка могла оказаться наиболѣе естественною и необходимою.

При каждомъ произведеніи точно обозначалось полное его заглавіе, а если наличные экземпляры его были въ этомъ отношеніи между собою несогласны, то и разныя редакціи заглавія ³¹¹). Въ случаѣ сомнѣнія относительно принадлежности книги тому автору, которому она приписывалась, къ заглавію ея присоединялось соотвѣтствующее указаніе на другихъ лицъ, за коими могло быть съ болѣе-шимъ правомъ признано авторство ³¹²). Засимъ слѣдовали начальныя слова текста или даже вся первая фраза, число строкъ или стиховъ (послѣднее, разумѣется, тогда, когда книга была написана стихами) ³¹³), при драматическихъ произведеніяхъ — почерпнутыя изъ дидакалій замѣчанія о времени и обстоятельствахъ ихъ постановки на сцену ³¹⁴), наконецъ, въ заключеніе всего перечня сочиненій писателя — общее число строкъ (resp. стиховъ) во всѣхъ его произведеніяхъ ³¹⁵). Весьма правдоподобно также предположеніе Ваксмута, что и самое содержаніе отдѣльныхъ сочиненій было въ «Таблицахъ» вкратцѣ показано, но утверждать это положительно мы покамѣстъ не можемъ ³¹⁶).

Колоссальный трудъ, предпринятый Каллимахомъ, требовалъ многихъ лѣтъ упорныхъ и утомительныхъ занятій,

³¹⁰) Wilamowitz Anal. Eurip. p. 132: „Multo seriore tempore cum Aristides in scholis lectitaretur, ejus quoque declamationes antiquum ad usum digestae sunt. Atque eundem in Aristotelio catalogo sequitur Andronicus, multo ille quidem incorruptiore usus iudicio, quam qui Platonem et Democritum per trilogias tetralogiasve disiecerunt“.

³¹¹) Срв. Schn. 100^a, 4, 9.

³¹²) Schn. 100^a, 14, 15.

³¹³) См. экскурсъ 2-й въ концѣ главы.

³¹⁴) Schn. 100^a, 2.

³¹⁵) Susemihl, стр. 339 и прим. 65.

³¹⁶) Wachsm. стр. 665 сл.: „zu einer solchen Vermuthung nöthigen wenigstens einmal Philodemos *περί φιλοσόφων* in vol. Hercul. VIII col. XIII n. 18 *ὡς αἱ τ' ἀναγραφαὶ τῶν πινάκων αἱ τε βιβλιοθήκαι σημαίνουσιν, παρὰ Κλεάνθη ἐν τῷ περί στοιχῆς ἐστὶ Διογένοους αὐτῇ ἡ μνήμη*, und zum andern der offenbar aus einem Bibliothekskatalog entnommene Bericht über Timons Sillen (bei Laert. Diog. IX, 111)“.

такъ какъ обнималъ собою всѣ отрасли литературнаго и научнаго творчества, всю письменность греческой націи, все ея духовное наслѣдіе. Какъ бы высоко ни былъ одаренъ отъ природы нашъ ученый, какъ бы ни развилъ онъ эти свои природныя дарованія и какимъ бы изумительнымъ трудолюбіемъ онъ ни обладалъ, ему одному все же не подъ силу было бы справиться съ такою трудною задачею, если бы онъ не могъ опираться при этомъ на немногочисленные, правда, но цѣнныя работы предшественниковъ, успѣвшихъ уже отчасти воздѣлать ниву историко-литературнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ его «Таблицами» не начинается исторія нашей науки, но заключается первый періодъ этой исторіи,—тотъ періодъ, когда послѣ цѣлаго ряда частныхъ изысканій впервые стала возможна попытка полнаго, систематическаго обзора всѣхъ данныхъ исторіи греческой литературы, всего матеріала, которымъ располагала въ то время эта дисциплина.

Такая попытка, разумѣется, не могла быть свободна отъ многихъ недостатковъ. Въ ней должны были оказаться пробѣлы, недосмотры, ошибки; въ ней могло обнаружиться несовершенство употребленныхъ авторомъ методическихъ приѣмовъ, неправильность принятой имъ классификаціи. Все это однако не умалило бы заслуги автора. Его работа должна была обновить интересъ къ историко-литературнымъ занятіямъ, указать на необходимость новыхъ частныхъ изслѣдованій, вызвать новыя справки, поощрить къ отысканію новаго матеріала. Она вмѣстѣ и выражала итогъ результатовъ, достигнутыхъ прежними изслѣдователями въ области изученія исторіи греческой литературы, и открывала путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ на поприщѣ этого изученія.

Какъ достоинства, такъ и недостатки каллимаховыхъ «Таблицъ» были замѣчены и вѣрно поняты современниками и ближайшими послѣдователями нашего пинакографа. Идея этого предпріятія многимъ понравилась и породила цѣлую, если можно такъ выразиться, пинакографическую литературу. Однимъ показались слишкомъ скудны біографическія свѣдѣнія,

сообщенныя Каллимахомъ, и они взяли на себя задачу расширить, дополнить и исправить эту часть его труда; другіе были недовольны критическою стороною «Таблицъ» и предприняли новый пересмотръ данныхъ, говорившихъ въ пользу принадлежности сомнительныхъ произведеній однимъ писателямъ и противъ ихъ принадлежности другимъ; третьи пытались исправить недостатки каллимаховой классификаціи и проч. Особенно слабыми отдѣлами были, повидимому, тѣ, которые посвящены были прозѣ. Хотя золотой вѣкъ поэзіи и искусства для Греціи давно уже миновалъ, тѣмъ не менѣе, кажется, никогда продукты поэтическаго генія и произведенія художествъ не цѣнились греками такъ высоко, а даръ поэтическаго и художественнаго творчества не считался въ такой мѣрѣ завиднымъ и желаннымъ, какъ именно въ эпоху александрійской образованности. Положеніе, которое занимали поэты въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ, при дворахъ различныхъ монарховъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ въ любви къ литературѣ, весьма сильно напоминаетъ ту роль, которая много позже выпала на ихъ долю на западѣ (и особенно во Франціи), а отчасти и у насъ, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII стол. Поэзія считалась безусловно необходимою принадлежностью придворной жизни, и безъ присяжныхъ стихотворцевъ, обязанныхъ поставлять ко днямъ всевозможныхъ торжествъ приличныя случаю вирши, не обходился штатъ ни одного правителя. Мы уже знаемъ, что Антигонъ Гонать передъ вступленіемъ въ бракъ съ Филою позаботился пригласить въ Македонію, къ своему двору, лучшихъ представителей поэзіи, — Арата, Антагора, Тимона и др. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть знаменіе времени. На поэтическія произведенія былъ спросъ, и каждый писатель считалъ необходимымъ пытаться свои силы въ стихотворномъ родѣ. Вѣкъ александрійской образованности, имѣвшій много талантливыхъ стихотворцевъ, не выставилъ ни одного крупнаго представителя художественной прозы. Самъ Каллимахъ писалъ стихи, съ любовью изучалъ поэтовъ и ту часть своихъ «Таблицъ», которая была посвящена имъ, обработалъ,

вѣроятно, и съ большею полнотою, и съ большимъ усердіемъ, нежели другіе отдѣлы. Напротивъ, въ области прозы далеко не все могло въ одинаковой степени приковывать къ себѣ его вниманіе и возбуждать его интересъ. Какъ «грамматикъ», онъ, конечно, интересовался миѳологіей, археологіей, географіей, исторіей; но,—если дѣйствительно всѣ науки нашли мѣсто въ его «Таблицахъ»,—могъ ли онъ съ тою же охотою работать надъ отдѣлами, посвященными напр. математикѣ или медицинѣ? Могъ ли онъ увлекаться краснорѣчіемъ въ такой же степени, какъ, отдавая дань своему времени, онъ увлекался философіей?

Діонисій галикарнасскій сурово порицалъ Каллимаха и его послѣдователей за ошибки, внесенныя ими въ списки ораторскихъ произведеній. Онъ самъ принялся писать о Динархѣ, какъ онъ заявляетъ, только потому, что убѣдился и въ недостаточности, и въ превратности тѣхъ сообщений, которыя читатель его времени могъ найти объ этомъ ораторѣ у Каллимаха и пергамскихъ пинакографовъ. И въ самомъ дѣлѣ,—краснорѣчіе давно пало съ той высоты, на которую оно было вознесено великими аттическими ораторами, и мало по малу совершенно замкнулось въ тѣсныя рамки адвокатуры и школьной реторики. Съ тѣхъ поръ, какъ свобода Греціи была уничтожена и интересъ къ политикѣ и дѣламъ государственнымъ въ обществѣ окончательно ослабѣлъ, ораторское искусство утратило, естественно, почву для самостоятельнаго развитія и стало по большей части изучаться лишь какъ средство пріобрѣтенія стилистическаго навыка,—другими словами, какъ пропедевтика къ занятіямъ исторіографіей, философіей и проч. Оно, стало быть, снизошло до чисто служебной роли, и будемъ ли мы винить Каллимаха въ томъ, что изученіе литературнаго рода, отжившаго, повидимому, свой вѣкъ, казалось ему дѣломъ мало привлекательнымъ и даже не особенно нужнымъ? Редантцъ въ своей превосходной замѣткѣ по этому вопросу, напечатанной въ «Приложеніяхъ» къ соч. Шеффера «*Demosthenes u. seine Zeit*», совершенно справедливо говоритъ слѣдующее:

«Есть много оснований, уменьшающих степень достоверности каллимаховой ἀναγραφὴ τῶν ῥητορικῶν. Каллимаху представлялось обширное, но почти невоздѣланное поле, которое онъ впервые долженъ былъ обработать, будучи въ тоже время занятъ и другими большими работами. Лично онъ, какъ и вообще его вѣкъ, едва ли питалъ особенную склонность къ этой литературной области. Необходимыхъ для своей цѣли историческихъ изысканій онъ, безъ сомнѣнія, при этомъ не производилъ и, кажется, односторонне пользовался, какъ критеріемъ, лишь обманчивыми наблюденіями надъ стилемъ. Къ тому же его могли вводить въ заблужденіе и коварные торговцы, да и самъ онъ, вѣроятно, не отказывалъ себѣ въ удовольствіи въ силу тѣхъ или иныхъ оснований произвольно умножать сокровищницу рѣчей Демосѣена. О дѣятельности его на этомъ поприщѣ мы такимъ образомъ можемъ отозваться такъ: нельзя ни укорить его въ недобросовѣстности, ни, подобно Фотію, назвать его «неспособнымъ судить» (οὐχ ἱκανὸς κρίνειν), но, насколько вѣрно то, что его ἀναγραφὴ или πίναξ τῶν ῥητορικῶν есть основаніе того списка и, пожалуй, даже того порядка, въ которомъ мы теперь еще читаемъ рѣчи, настолько же вѣрно и то, что это основаніе во многихъ отношеніяхъ подлежало и подлежитъ спору, какъ мало надежное» ³¹⁷).

Впрочемъ, несмотря на всѣ такіе промахи и несовершенства, авторитетъ каллимаховыхъ «Таблицъ» былъ очень великъ, и для многихъ изъ его послѣдователей исходными точками служили уже не столько самые тексты древнихъ авторовъ, сколько заключенія, сдѣланные на основаніи этихъ текстовъ знаменитымъ александрійскимъ грамматикомъ. Къ несчастью, трудъ этотъ, все значеніе котораго для историка греческой литературы мы, можетъ быть, даже и не въ надлежащей мѣрѣ постигаемъ, весьма рано раздѣлилъ участь той библіотеки, съ которою былъ такъ тѣсно связанъ: онъ исчезъ, оставивъ по себѣ лишь немногіе слѣды въ сочине-

³¹⁷) Schäfer ук. соч. III, 2 стр. 321.

ніяхъ тѣхъ авторовъ, которые еще имѣли возможность имъ пользоваться. Позднѣйшими изъ числа этихъ авторовъ, насколько мы можемъ судить, были, кажется, Гарпократіонъ и Аѳеней,—если только ихъ ссылки на Каллимаха не заимствованы изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію для Діогена лаэртскаго, Фотія, Хировоска и Свида; впрочемъ, во всякомъ случаѣ можно доказать, что въ концѣ перваго до-христіанскаго столѣтія наши «Таблицы» еще были на лицо, и такіе писатели, какъ Діонисій галикарнассскій, Деметрій изъ Магнезіи и Аскленіадъ изъ Мирлеи имѣли ихъ въ рукахъ ³¹⁸). Можетъ быть, счастливая случайность, подарившая филологическій міръ въ послѣднее время открытіемъ цѣлаго ряда важныхъ историко-литературныхъ памятниковъ, расширить когда нибудь хотя бы отчасти и наше знакомство съ этимъ важнымъ монументомъ греческой пинакографіи; но, что зависитъ отъ случайности,—на то разсчитывать мудрено. Можно лишь пока утверждать, что, если нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ печать и проникло извѣстіе о нахожденіи каталога александрійской бібліотеки, то извѣстіе это съ тѣхъ поръ не подтвердилось ничѣмъ и должно быть забыто, какъ праздный вымыселъ ³¹⁹)...

Наше разсмотрѣніе вопроса о каллимаховыхъ «Таблицахъ» было бы неполно, еслибы мы не упомянули о другихъ произведеніяхъ ученаго киренейца, стоявшихъ, какъ думаютъ, въ нѣкоторой связи съ этимъ главнымъ трудомъ его жизни. Я разумѣю его эпиграммы и книгу, носившую загадочное названіе „Μουσείον“.

³¹⁸) См. Nitzsche De Laertii Diogenis fontt. (Rhein. Mus. 24, стр. 185 слл.); Daub назв. соч. стр. 418 слл., 457 слл.

³¹⁹) „Авторомъ этого извѣстія“, говоритъ Эггеръ, „былъ, если память мнѣ не измѣняетъ, грекъ Константинъ Симонидесъ, уже хорошо извѣстный своими подложными изданіями, — напр. изданіемъ псевдо-ганонова „Перипла“. Должно опасаться, что и объявленный имъ каталогъ также былъ продуктомъ подобнаго подлога и что фальсификаторъ, разъ уличенный, не осмѣлится уже подвергнуть свою работу суду гласности“ (назв. соч., стр. 82).

Было выше замѣчено, что на основаніи плавтинскаго схолія Велькеръ ³²⁰⁾ связывалъ эпиграмматическія стихотворенія Каллимаха съ его пинакографическою дѣятельностью. Опираясь на слова схоліаста: «titulos inscripsit», онъ полагалъ, что при пересмотрѣ книжной коллекціи Птолемеевъ нашъ ученый самъ редактировалъ книжные титулы и при томъ редактировалъ ихъ въ стихотворной формѣ. Такое предположеніе, какъ ни странно оно на первый взглядъ, оправдывается, повидимому, отчасти вкусами эпохи, а отчасти даже и находитъ фактическое подтвержденіе въ нашихъ источникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, между приписываемыми Каллимаху эпиграммами есть нѣсколько такихъ, которыя могли бы фигурировать на книжныхъ σίλλυβοι. Сюда принадлежатъ два четырехстишія, — одно на поэму Креофила «Взятіе Эхалии» (Schn. Epigr. 6), другое на «Феномены» Арата (ibid. 27), — и четыре стихотворныхъ фрагмента, — на Архилоха (Schn. frgm. 37^a), на Менандра (fgm. 74), къ гомеровскому «Маргиту» (fgm. 74^a) и къ антиматовой «Лидѣ» (fgm. 74^b), а, можетъ быть, также и frgm. 254 ³²¹⁾. Въ виду этого, пожалуй, можно было бы думать, что александрійскій пинакографъ не ограничился однимъ занесеніемъ книгъ александрійской библіотеки въ систематическіе регистры, но счелъ нужнымъ снабдить, если и не каждую изъ нихъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся, особенно же произведенія поэтовъ, краткими стихотворными надписями. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ Эггеромъ, по мнѣнію котораго это было бы «un bien puéril emploi de son talent et de son activité» ³²²⁾. Къ тому же мы и не имѣемъ надобности въ такомъ предположеніи, такъ какъ теперь является полная возможность не только удовлетворительно объяснить возникновеніе названныхъ выше эпиграммъ, но и отыскать для нихъ въ ряду многочисленныхъ твореній Каллимаха подходящее мѣсто.

³²⁰⁾ Welcker Der ep. Cycl. I², стр. 8, прим. 8.

³²¹⁾ E. Dittrich (N. Jahrb. 1891, стр. 576) присоединяетъ fr. 541, fr. an. 388.

³²²⁾ Ук. соч. стр. 77.

Дѣло въ томъ, что у трехъ древнихъ грамматиковъ сохранилась ссылка на нѣкое произведение Каллимаха, озаглавленное τὸ γράφειον (γράφιον) и заключавшее въ себѣ одно изъ приведенныхъ нами здѣсь мѣстъ, — именно фрагментъ эпиграммы на Архилоха. Является вопросъ, не находились ли всѣ извѣстныя намъ эпиграммы литературно-критическаго характера тамъ же, откуда ведетъ свое происхождение и этотъ фрагментъ? Не было ли такъ назыв. „γράφειον“ цѣлымъ сборникомъ эпиграммъ, вызванныхъ у Каллимаха чтеніемъ различныхъ поэтовъ и представлявшихъ краткую стихотворную оцѣнку ихъ произведений? Такую догадку высказалъ впервые Шнейдеръ ³²³⁾, и она имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. Подобно варроновымъ «Седмицамъ» ³²⁴⁾, это была, слѣдовательно, какъ бы портретная галерея національных поэтовъ, и, разумѣется, всѣ наиболѣе крупные представители греческой поэзіи нашли въ ней для себя мѣсто ³²⁵⁾. Произведение такого рода могло составить прекрасное дополнение къ «Таблицамъ» и, отличаясь отъ послѣднихъ по формѣ, по характеру и по размѣрамъ, было бы близко къ нимъ по идеѣ. Правда, это не значить, что оно должно было непременно стоять въ генетической связи съ «Таблицами». Нѣтъ, я напротивъ склоненъ думать, что оно не было задумано, какъ нѣчто цѣлое, но что вошедшія въ составъ его эпиграммы были всякій разъ непосредственно навѣяны чтеніемъ, возникали, стало быть, одновременно и болѣе или менѣе случайно и постепенно сложились въ группу, способную составить сборникъ.

Труднѣе судить о другой работѣ Каллимаха, которую многіе также приводили въ соотношеніе съ «Таблицами», — о его «Музеѣ». Отъ этой книги не осталось ничего, кромѣ заглавія, сохраненнаго Свидою въ спискѣ каллимаховыхъ сочиненій. Были поэтому высказаны самыя разнообразныя

³²³⁾ O. Schneider Callim. II. p. 43, 166—168, 228 sq.

³²⁴⁾ Сравненіе (впрочемъ, несовсѣмъ точное) принадлежитъ Дильтею (De Callim. Cydipp. p. 21).

³²⁵⁾ Susemihl стр. 178, прим. 22; стр. 356.

предположенія съ цѣлью опредѣлить хотя бы приблизительно содержаніе этого произведенія, но, какъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ для рѣшенія подобнаго вопроса, то и суждено ему оставаться нерѣшеннымъ. Съ увѣренностью можно на этотъ счетъ утверждать, кажется, только одно, — именно, что каллимаховъ «Музей» былъ написанъ прозою и имѣлъ по своей темѣ какую то связь съ александрійскимъ музеемъ. Первая часть этого утвержденія вытекаетъ изъ того, что у Свида (въ упомянутомъ спискѣ) „Μουσείον“ начинается собою перечень прозаическихъ произведеній Каллимаха ³²⁶), а вторая — представляетъ собою наиболѣе простой, безхитростный и естественный выводъ изъ самаго заглавія книги. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ ли мы, что „Μουσείον“ было аллегорическимъ названіемъ для сборника эпиграммъ, озаглавленнаго, какъ мы видѣли, „Γραφεῖον“ (Rauch), или для самыхъ «Таблицъ», которыя будто бы именовались „Μουσείον ἢ πίνακες“ (Preller, Graefenhahn); допустимъ ли, что подъ этимъ заглавіемъ Каллимахъ написалъ стихотвореніе съ цѣлью прославить геликонское святилище музъ (Lincke), — тема, въ дѣйствительности разработанная не имъ, а Алкидамантомъ, и притомъ въ прозѣ, — или же что это была стихотворная похвала въ честь александрійскаго музея и его основателя (Schneider), — все это будутъ болѣе или менѣе искусственныя и произвольныя конъектуры ³²⁷).

³²⁶) Даубъ совершенно справедливо замѣтилъ, что списокъ каллимаховыхъ произведеній у Свида примѣтно дѣлится на два отдѣла: въ первомъ помѣщены стихотворенія, во второмъ — прозаическія сочиненія. На это указываютъ слова самого Свида: ὡς ᾠρᾶσι μὲν ποιήματα... συντάξει δὲ καὶ κατὰλογίζῃ. Въ каждомъ отдѣлѣ расположеніе книгъ носитъ слѣды извѣстной системы: стихотворенія распределены по родамъ, и перечень ихъ заключается знаменитымъ ἱβίς, которое стоитъ какъ бы extra ordinem; затѣмъ слѣдуетъ важнѣйшее изъ прозаическихъ произведеній Каллимаха, — его πίνακες, съ тѣми трудами, которые по содержанію стояли къ нему ближе всего (и въ этомъ числѣ „Μουσείον“); далѣе идутъ scripta glossematica и сочиненія, относящіяся къ географіи (срв. Daub, стр. 465 сл.). Какъ бы грань между обоими отдѣлами составляетъ примѣчаніе, дѣлаемое Свидою (или заимствованное имъ у первоначальнаго автора списка) по поводу ἱβίς.

³²⁷) См. объ этихъ предположеніяхъ и догадкахъ у Шнейдера Callim. II, p. 285 слл.

Какъ связаны были между собою единствомъ происхожденія и единствомъ преслѣдуемыхъ цѣлей александрійскій музей и александрійская библіотека, такъ и трудъ Каллимаха, посвященный послѣдней, долженъ былъ, несомнѣнно, быть связанъ такъ или иначе съ другимъ трудомъ, темою котораго служило первое изъ названныхъ учреждений. Какъ именно, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ направленіи была разработана имъ эта тема,—мы не знаемъ. Быть можетъ, Каллимахъ представилъ исторію возникновенія музея (Matter) или описаніе научныхъ занятій его членовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе самого института (Hesker); быть можетъ, изобразивъ въ своихъ «Таблицахъ» картину общаго хода развитія наукъ и литературы въ Греціи, онъ счелъ нужнымъ посвятить особое, болѣе подробное сочиненіе александрійской школѣ литераторовъ и ученыхъ,—сочиненіе, въ которомъ кромѣ обзорѣ ихъ трудовъ читатель могъ найти и полныя ихъ біографіи. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы признаемъ тѣсное отношеніе между обѣими работами, и, еслибы даже существованіе трактата подъ заглавіемъ „Μουσείον“ въ числѣ каллимаховыхъ творений не было положительно засвидѣтельствовано нашими источниками, то можно было бы, кажется, допустить его существованіе a priori ³²⁸)...

Сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить великое значеніе историко-литературной дѣятельности Каллимаха. Ставъ во главѣ александрійской библіотеки, онъ сумѣлъ извлечь всѣ выгоды изъ своего положенія и обогатить науку цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе обширныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій. Но въ то же время онъ, повидимому, не оставлялъ и преподавательской своей дѣятельности въ стѣнахъ музея и, какъ словомъ, такъ и живымъ примѣромъ продолжалъ воздѣйствовать на молодежь, изъ среды которой вышло не-

³²⁸) Тѣмъ не менѣе мы считаемъ „Μουσείον“ Каллимаха за отдѣльное, самостоятельное произведеніе и въ этомъ не сходимся съ Ричлемъ, который думалъ, что названный трактатъ могъ составлять введеніе къ „Таблицамъ“ и заключать въ себѣ свѣдѣнія о размѣрахъ и устройствѣ александрійской библіотеки (Opusc. I p. 13).

мало даровитыхъ послѣдователей и преемниковъ неутомимаго ученаго. По имени послѣдняго они именовались каллимаховцами (οἱ Καλλιμάχειοι).

Экскурсъ 2.

(Къ стр. 188).

Нѣсколько словъ о стихометріи.

Не для того, чтобы сказать что нибудь новое по этому интересному и трудному вопросу, но лишь въ дополненіе ко всему, изложенному выше о составѣ и планѣ каллимаховыхъ „Таблицъ“, почли мы необходимымъ присоединить нѣсколько словъ о стихометріи и колометріи. Это представлялось намъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Ричль впервые обработалъ этотъ предметъ въ своемъ сочиненіи объ александрійскихъ бібліотекахъ, было опубликовано немало новаго матеріала и появилось немало частныхъ изслѣдованій, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на эту область.

Извѣстно, что древніе грамматики и бібліографы измѣряли объемъ рукописей не количествомъ страницъ, подобно намъ,—хотя sporadически встрѣчается и счетъ на страницы (σελίδες, см. Birt, стр. 159 сл.),—но количествомъ строкъ (στίχος, versus), которое, разумѣется, въ поэтическихъ произведеніяхъ совпадало съ количествомъ стиховъ (ῥον). Въ сущности такой счетъ на строки по точности ничуть не уступалъ нашему счету на страницы, а, можетъ быть, даже имѣлъ передъ нимъ нѣкоторое преимущество. Весь вопросъ въ томъ, что понимать подъ названіемъ „στίχος“, и была ли это единица пространственнаго измѣренія, имѣвшая въ качествѣ таковой постоянную величину, или же это было лишь иное выраженіе того же понятія, которое обозначалось словомъ „ῥον“, и стихометрія была тождественна съ колометріей.

Уже Ричль указалъ на то обстоятельство, что иногда названія „στίχος“ и „ῥον“ употребляются въ нашихъ источникахъ синонимически, т. е. безразлично, относятся ли они къ книгамъ, написаннымъ прозою, или къ стихотвореніямъ (Opusc. I. p. 82, 176 sqq.). Гро (Graux Nouvelles recherches sur la stichométrie въ Revue de phil. II. 1878), исходя изъ этого наблюденія, создалъ остроумную и весьма правдоподобную гипотезу. По его словамъ, уже въ глубокой древности переписчики, какъ это положительно засвидѣтельствовано для временъ Діоклеціана, получали плату за свой трудъ построчно. За единицу при этомъ принималась нормальная строка, содержащая въ себѣ 36—38 буквъ (15—16 слоговъ) и, стало быть, по величинѣ приблизительно равная гексаметру (ῥον), который у Гомера заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ 37, 7, а у Вергилія 36, 9 буквъ. Въ основаніи счета лежала такимъ образомъ стихотворная строка, какъ постоянная величина, а потому и терминъ „ῥον“ могъ получить болѣе общее значеніе и стать синонимомъ термина „στίχος“. Совершенно подобнымъ образомъ, по сообщенію Нѣльдеке (у Гардтгаузена

Palaeogr. стр. 132), въ современной Индіи по изстари установившемуся обычаю трудъ переписчиковъ оплачивается по числу такъ назыв. слогъ (16-сложный стихотворный размѣръ), хотя бы въ дѣйствительности текстъ и не былъ написанъ слоками.

Гипотезу Гро возвести на степень доказаннаго факта пытался Ваксмуть (Rhein. Mus. 34, стр. 481). Полемизируя съ Блассомъ, онъ приводитъ одно мѣсто изъ Галена (De placit. Hippocr. et Plat. p. 656 Müller), откуда явствуетъ, что дѣйствительно измѣрять объемъ прозаической рѣчи примѣнительно къ нормѣ гексаметрическаго стиха было обычно древнимъ. Такъ 39 слоговъ они считали величиною, приблизительно равную $2\frac{1}{2}$ гексаметрамъ, 84 слога—равными 5 гексаметрамъ. И, какъ слѣды такого численія усматриваются уже у Исократы и Теопомпа, то слѣдовательно, заключаетъ Ваксмуть, еще въ тѣ времена, когда о большихъ бібліотекахъ не было и помину и изготовленіе рукописей не отличалось ухищреніями позднѣйшей техники, греки пользовались привычною всѣмъ имъ съ пеленокъ мѣрою гексаметра для того, чтобы примѣрно выражать объемъ прозаическихъ сочиненій или произносимыхъ рѣчей. Это популярное обыкновеніе удержалось по крайней мѣрѣ вплоть до третьяго столѣтія императорскаго времени (ibid.). Что же касается приѣмовъ, съ помощью которыхъ бібліотекари и книгопродавцы производили болѣе точное измѣрѣніе объема рукописей въ александрійскія времена, то, по Ваксмуту (Rhein. Mus. 34, стр. 49 сл.), эти приѣмы разнились отъ описанной манеры численія. Древнѣйшій составъ александрійской бібліотеки слагался, повидимому, изъ книгъ, написанныхъ на папирусь; ширина же каждой колонны въ имѣющихся у насъ образцахъ папирусныхъ свитковъ не превышаетъ 15—24 буквъ *), — число, далеко не соответствующее той величинѣ нормальной строки, которую принимаетъ Гро. Между тѣмъ это число отнюдь не случайное, ибо ширина каждой колонны письма, естественно, должна была обуславливаться шириною папируснаго листа отъ склейки до склейки, а въ этомъ отношеніи, если и могли быть колебанія, то лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ (ibid.).

Противорѣчіе, усматриваемое Ваксмутъ между ходячимъ счетомъ строкъ примѣнительно къ величинѣ гексаметра и болѣе точною стихометріею александрійскихъ бібліотекарей, на самомъ дѣлѣ легко устранимо, разъ мы допустимъ, что нормальная строка, равная приблизительно гексаметру, была не идеальною, а дѣйствительною мѣрою, далѣе,—что существовали нормальные экземпляры рукописей, въ коихъ ширина страницы точно соответствовала единицѣ мѣры, лежавшей въ основаніи стихометріи, и, наконецъ, что въ случаѣ несоответствія даннаго списка принятой мѣрѣ отношеніе его болѣе короткой строки къ строкѣ нормальной въ удовлетвореніе требованій стихометріи должно было быть напередъ опредѣлено и указано. Все это подробно изложилъ и подтвердилъ необходимыми ссылками Виртъ (Das antike Buchw. стр. 213 слл., 283 слл.).

*) Ваксмуть ссылается при этомъ на геркуланскіе свитки, на найденные въ Египтѣ списки гиперидовыхъ рѣчей и на сочиненіе Хрисиппа *περί ἀποφαικῶν*. Но папирусъ британскаго музея, заключающій въ себѣ аристотелеву „*Ἀθρυαίων πολιτεία*“, даетъ показаніе, болѣе приближающееся къ пропорціямъ нормальныхъ экземпляровъ: въ немъ строки вмѣщаютъ 28—35 буквъ.

Но съ совершенно иной точки зрѣнія посмотрѣлъ на дѣло Блассъ, съ упорствомъ отстаивающій тождество стихометріи и колометріи (Rhein. Mus. 24 стр. 524 слл.; 34, стр. 214 слл.; Attische Beredsamkeit, III, 1, стр. 105 слл.). Путемъ остроумнѣйшихъ сравненій и вычисленій онъ пытался установить слѣдующее: 1) *στίχος* есть постоянная величина не въ томъ смыслѣ, что всѣ *στίχοι* равны между собою, но лишь въ томъ, что между древними *στίχοι* и нашими печатными строками, имѣющими исключительно пространственное значеніе, существуетъ опредѣленное соотношеніе, такъ что напр. древній *στίχος* равняется среднимъ числомъ 0,8—0,9 строки нынѣшняго тейбнеровскаго текста; 2) если первоначально *στίχος* и означалъ строку въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь понимаемъ это слово, то со временъ Исократъ этотъ терминъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ означать и небольшія, но болѣе или менѣ законченныя по смыслу части или члены прозаической рѣчи, — т. наз. *κῶλα*, укладывавшіяся приблизительно въ предѣлы строки. Исократъ, сообщаетъ намъ Блассъ (Rh. Mus. 34, стр. 228), въ соотвѣтствіи со стихами или *κῶλα* поэтической рѣчи расчленилъ и прозаическую рѣчь на *κῶλα*, и въ этомъ смыслѣ его ученикъ Навкратъ приписывалъ ему введеніе ритма въ художественную прозу. Каждое *κῶλον* прозаической рѣчи примѣрно соотвѣтствовало по величинѣ самому длинному изъ видовъ стиха, — гексаметру, а на письмѣ означалось въ видѣ отдѣльной строки. Этимъ и объясняется смѣшеніе и чередованіе терминовъ *στίχος*, *ἔπος* и *κῶλον* въ нашихъ источникахъ. Изъ круга исократовой школы такое обозначеніе риторическихъ дѣленій рѣчи на письмѣ распространилось въ IV и III стол. далеко и стало общимъ обыкновеніемъ, а средняя величина *κῶλον* а получила для прозы значеніе нормальной строки.

Теорія Бласса мало встрѣтила сочувствія въ ученой публикѣ. Попытка отождествить стихометрію и колометрію уже по одному тому не могла бы разсчитывать на успѣхъ, что въ основаніи той и другой системы измѣренія лежатъ совершенно различныя принципы (срв. Cusuel *Eléments de paléogr. grecque*. Paris. 1891, стр. 92). Къ тому же и самые тексты, приводимые Блассомъ въ подтвержденіе своихъ догадокъ, на самомъ дѣлѣ не допускаютъ того толкованія, которое онъ имъ даетъ (срв. Gardthausen *Palaeogr.* стр. 131 сл.). Дѣленіе прозаическихъ произведеній на члены (*κῶλα*), конечно, существовало, но существовало независимо отъ дѣленія на строки (*στίχοι*, *ἔπη*) и не служило стихометрическимъ цѣлямъ. Оно, повидимому, имѣло практическое значеніе и примѣнялось только къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя предназначались для произнесенія, — къ ораторскимъ рѣчамъ, а въ христіанскія времена къ богослужебнымъ книгамъ. По крайней мѣрѣ наши источники не сохранили ни малѣйшаго указанія на то, чтобы колометрія, возникшая среди риторическихъ школъ, когда либо примѣнялась къ произведеніямъ философской литературы, а тѣмъ менѣе къ произведеніямъ древнихъ историковъ, напр. Геродота, какъ того хочетъ Блассъ.

Ближайшимъ образомъ стихометрія являлась необходимою для книгопродавцевъ и книгособирателей и отнюдь не вызывалась ни потребностями читающей публики, ни какими либо учеными интересами. Правда, на поляхъ рукописей помимо обозначенія общей суммы строкъ въ началѣ или въ концѣ текста отмѣчалась иногда каждая сотня либо даже каждая полусотня ихъ (ср. въ особенности K. Fuhr „*Stichometrisches*“ въ Rhein. Mus. 37, стр. 468 слл.), а это сколько облегчало наведеніе нужныхъ справокъ, столько же могло служить и для ссылокъ; но вѣрнѣе всего, что не справки и

ссылки имѣлись въ виду тѣмъ, которые впервые ввели въ употребленіе стихометрическія помѣтки, а другія, болѣе матеріальныя цѣли. Такія помѣтки служили прежде всего, какъ сказано, для установленія размѣровъ платы писцамъ, а также и для опредѣленія стоимости манускриптовъ, обусловливаемой, естественно, съ одной стороны этою платою, съ другой же—качествомъ и величиною свитка *). Затѣмъ для покупателя стихометрическія указанія были важны въ томъ отношеніи, что помогали ему отличать дефектные экземпляры отъ исправныхъ и полныхъ и вообще давали ему въ руки мѣрило для контроля рыночныхъ цѣнъ. Особенно же драгоценны были они для лицъ, завѣдававшихъ великими библіотеками Александріи и Пергама, и немудрено, что здѣсь стихометрическая система окончательно сложилась и выработалась. Можно утверждать съ увѣренностью, что, если сами авторы или ихъ переписчики иногда и пренебрегали почему либо обозначеніемъ соответствующихъ чиселъ на заголовкахъ своихъ произведеній, попавшихъ затѣмъ въ одну изъ этихъ библіотекъ, то тамъ подобные недостатки не оставались безъ исправленія. Такимъ образомъ Каллимахъ могъ въ своихъ „Таблицахъ“ при каждомъ изъ внесенныхъ туда сочиненій дѣлать стихометрическія указанія, и мы имѣемъ еще возможность по двумъ примѣрамъ судить о томъ, какъ дѣлались имъ такія указанія. Оба примѣра сохранены у Аэнея: VI р. 244 а τοῦ Χαίρεφῶντος καὶ σύγγραμμα ἀναγράφει Καλλίμαχος... ῥάφων οὕτως. δέιπνα ὅσοι ἔγραψαν. Χαίρεφῶν Κυρηβαῖονι. εἰς' ἑξῆς τὴν ἀρχὴν ὑπέθηκεν. ἐπειδὴ μοι πολλὰς ἐπέστελας. στίχων τοε'.—XIII р. 585 b ἀνέγραψε δ' αὐτὸν [т. е. законъ Гнаэны] Καλλίμαχος... καὶ ἀρχὴν αὐτοῦ τήνδε παρέθετο. ὅδε ὁ νόμος ἴσος ἐγράφη καὶ ὁμοιος. στίχων τριακοσίων εἴκοσι τριῶν. Опираясь на эти два мѣста, мы можемъ заключить, что въ „Таблицахъ“ 1) стихометрическая помѣтка слѣдовала тотчасъ за приведеніемъ начальныхъ словъ произведенія, 2) заключительныя слова его, повидимому, не приводились, 3) число страницъ (σελίδες) не указывалось и 4) самая форма обозначенія отличалась сравнительно съ извѣстною намъ по рукописямъ формулою вродѣ ΑΡΙΘΧΧΔΔ болѣею опредѣленностью, причемъ нашъ пинакографъ не довольствовался лишь приблизительно вѣрнымъ, т. е. такъ назыв. круглымъ числомъ, но показывалъ точный счетъ строкъ. Каллимаховы „Таблицы“ по части стихометрическихъ данныхъ, несомнѣнно, служили источникомъ для другихъ пинакографовъ, и, стало быть, показанія этого рода, встрѣчаемые нами у позднѣйшихъ писателей и относящіяся къ литературнымъ произведеніямъ до-каллимаховскаго времени, должны быть возведены прямо или косвенно къ этому источнику.

*) Позволю себѣ высказать по этому поводу одну догадку. Извѣстно, что рядомъ съ обозначеніемъ числа строкъ зачастую обозначалось и число страницъ (σελίδες). Геркуланскіе папирусы представляютъ достаточно образчиковъ этого рода (см. у Вирта стр. 187 сл.). Нельзя ли отсюда заключить, что первое обозначеніе служило для опредѣленія построчной платы, а второе—указывало именно на количество затраченнаго писчаго матеріала, на длину свитка, и такимъ образомъ оба вмѣстѣ способствовали установленію стоимости всей рукописи?